

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Зав. кафедрой
истории Средних веков
д.и.н., профессор
_____ /А.Ю. Прокопьев/

Председатель ГАК,
д. культурологии, профессор
_____ /Н. М.Калашникова/

Выпускная квалификационная работа на тему:
«Английское общество в представлении Роберта Бертона»
по направлению 030600 – История
профиль: Всеобщая история

Рецензент:
к. и. н.
С. В. Буров
_____ (подпись)

Выполнил:
студент IV курса
дневного отделения
Вершинин Игнат Николаевич
_____ (подпись)

Научный руководитель:
д.и.н., профессор
Федоров Сергей Егорович
_____ (подпись)

Работа представлена в комиссию
« ____ » _____ 2016 г.
Секретарь комиссии:

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Меланхолия автора.....	9
Глава II. Меланхолия общества..	21
Глава III. Меланхолия личности.....	38
Заключение.....	53
Список используемых источников и литературы.....	55

Введение

“Анатомия меланхолии” Роберта Бертона является одним из самых известных произведений английской прозы эпохи барокко. Век разума и науки, последовавший после Великих географических открытий, исследований Николая Коперника, работ Парацельса ознаменовал рождение нового европейского сознания, основанного на разрыве с образом мышления и регулятивными допущениями Античности и Средневековья, формирование основ классического естествознания, новой философии (Френсис Бэкон, Рене Декарт, Т. Гоббс) и, в конечном счете, новой науки.

Еще при жизни Бертона его работа переиздавалась пять раз, что свидетельствует об актуальности его работ в это непростое время приближающихся изменений, которые автор стремился изложить в своем произведении. Новые взгляды, идеи, работы, теории – все это буквально сотрясало средневековое сознание, основанное на старых и отживших себя идеях. Приближалась катастрофа.¹

Современники Коперника, в том числе и он сам, не считали себя инноваторами и революционерами. Они хотели лишь сравниться с древними, античными авторами, развить их теории. Именно поэтому идеи Коперника не находили поддержки в обществе. Новое научное сознание не могло оторваться от религии, мистики и философии. Но оно, словно только что переродившаяся бабочка, пыталось разорвать свой кокон.

Начало XVII века отразило особую фазу в разрушении средневекового взгляда на мир. Тесная связь всех сторон жизни общества привела к созданию человеком новых методов исследования, теорий и подходов в понимании не только окружающего мира, но и самого себя, своих поступков, действий, решений.

¹ Burton, Robert. *The Anatomy of Melancholy*/Ed. Thomas C. Faulkner, Nicolas, K. Kiessling and Rhonda L. Blair, 6 vols. Oxford: Clarendon Press, 1989–2000. С.20 (далее – А.М.)

С этого времени начинается борьба за ответ на вопрос “что представляет собой человек?” между догматической и утверждающей религией, защищающей и предупреждающей медициной, рассуждающей философией и новой практикующей наукой – психологией.

“Анатомия Меланхолии” Роберта Бертона не похожа на поле битвы - это чаепитие, так любимое англичанами, на котором автор с помощью четырех непримиримых соперниц, пытается спасти человечество от “неизбежной” ²“болезни души”³ – от меланхолии, которой охвачен весь мир⁴.

Актуальность данной работы в том, что современные историко-психологические исследования стараются глубже проникнуть в сознание средневекового человека, что, на мой взгляд, невозможно без тесного взаимодействия данных дисциплин. Труд Роберта Бертона был плодом всей его жизни и отразил сложный переходный период в истории Британских островов и всей Европы. Это делает его трактат “Анатомия Меланхолии” одним из лучших историко-психологических источников для данного направления исследований. Однако углубленное изучение психологического состояния средневекового человека и общества, на данный момент, только набирает обороты.

Объектом исследования являются представления современников об английском обществе конца XVI – первой половины XVII века.

Предмет исследования ограничен соответствующими взглядами Роберта Бертона (1577-1640), автора “Анатомии Меланхолии”, а так же идеями тех, кто оказывали прямое или косвенное влияние на формирование его представлений об обществе своего времени, в частности, Мишеля де Монтеня.

Цель моей дипломной работы заключается, **во-первых**, в попытке ответить на вопрос, что представляло собой состояние английского общества

2А.М. С.106

3А.М. С.104

4А.М. С.106

конца XVI – начала XVII века в представлении Роберта Бертона, отраженном в его трактате “Анатомия Меланхолии”. **Во-вторых**, проанализировать степень развития понимания автором психических процессов и их влияние на деятельность людей и современные ему события. **В-третьих**, рассмотреть основные происходящие в обществе изменения в политической, социальной и духовной сферах.

“Анатомия” дошла до нас в оригинале на английском языке, а так же в издательстве оксфордских исследователей: Томаса Фолкнера, Николая Кисслинга и Ронды Блэр⁵. Переводом “Анатомии Меланхолии” на русский язык занимался Айзик Геннадьевич Ингер (1925-2003), который нашел в книге Бертона, как отмечает близкий друг переводчика В.А. Викторovich, что-то близкое и родное для себя.⁶ Именно поэтому не стоит сомневаться в комплексном и профессиональном подходе к переводу.

Исследованием жизни самого Роберта Бертона и его единственного труда в зарубежной историографии этим вопросом занимаются со второй четверти XX века, начиная с Паула Джордана-Смита⁷, который не только занимался переводом “Анатомии”, но и провел значительные исследования источников, которые Роберт Бертон использовал в своём произведении.⁸

Август Гоулэнд отмечал, что на формирование интересов Роберта Бертона оказала влияние его семья. Дядя со стороны матери, Артур Фаунт, так же как и сам Бертон учился в Оксфорде, был человеком свободных взглядов и часто участвовал в теологических спорах. Его брат, Вильям, так же занимался теологией. Отмечается, что он одобрял программа восстановления “красоты святости” английской церкви. Гоулэнд считает, что

⁵ Burton, Robert. *The Anatomy of Melancholy*, ed. Thomas C. Faulkner, Nicolas, K. Kiessling and Rhonda L. Blair, 6 vols. Oxford: Clarendon Press, 1989–2000

⁶ Бертон Р. *Анатомия Меланхолии*/Пер. с англ., вступ. статья и коммент. А. Г. Игнера. М.: Прогресс традиция, 2005. С. 14

⁷ Floyd Dell, Paul Jordan-Smith. *The Anatomy of Melancholy*. New York: Farrar & Rinehart, 1927.

⁸ Jordan-Smith P. *Bibliographia Burtoniana*. Stanford: Stanford UP; London: H. Milford: Oxford UP, 1931

именно эти члены семьи автора “Анатомии” сыграли важную роль в развитии взглядов Бертона.⁹

Следующей важной работой является монография Мэри Энн Лунд “Меланхолия, Медицина и Религия”¹⁰, изданная в 2014 году. Она оценивает “Анатомию Меланхолии”, как удивительный трактат, который вобрал в себя не только представление людей начала XVII века о меланхолии, но так же и большое количество исторических данных по многим сферам жизни английского общества в период раннего Нового времени. Основная идея работы Лунд заключается в концепции “писатель-текст-читатель (пациент)”, которая выражается в уникальном способе репрезентации лечения душевных болезней через текст произведения.¹¹ В отечественной историографии работ ни по “Анатомии Меланхолии”, ни по биографии Роберта Бертона нет.

Что касается историографии исследований на тему психологического состояния людей 17 века, то этой проблемой занимались как историки, так и психологи.

Одним из крупнейших исследователей истории развития психологи был М.Г. Ярошевский. Автор многочисленных работ по истории и методологии психологии в качестве важнейшего принципа, определяющего изменение сознания людей на протяжении времен, рассматривал принцип детерминизма. В своей работе “История психологии”¹² Ярошевский проследил историю развития психологического знания от древних времен до современности. Считается, что именно Ярошевский заложил основы исторической психологической науки в России.

В вопросе изучения психических состояний и отклонений, к которым относится меланхолия, особенно стоит выделить Мишеля Фуко,

⁹ Gowland A. The worlds of Renaissance melancholy: Robert Burton in context. Cambridge; New York: Cambridge UP, 2006. P.4-5

¹⁰ Mary Ann Lund. Melancholy, Medicine and Religion in Early Modern England. Reading The Anatomy of Melancholy. Cambridge: Cambridge university press, 2010

¹¹ Mary Ann Lund. Melancholy, Medicine and Religion in Early Modern England. Reading The Anatomy of Melancholy. Cambridge: Cambridge university press, 2010. P. 25

¹² Ярошевский М.Г. История и теория психологии в 2-х томах. Ростов-на-Дону, 1996;

рассматривающего их в исторической перспективе. Так в одной из своих наиболее известных работ, “История безумия в классическую эпоху”, он отмечает, что именно с XVII века ранее обузданное безумие начало приобретать новые формы проявления в обществе, что привело к “интегрированию в нравственное пространство исключения из общества”¹³ отдельных элементов.

Так же значительный вклад в изучение темы именно меланхолии внесла шведская исследовательница Карин Юханнисон. Она характеризует состояние меланхолии культурной амбивалентностью. Основная задача, которая стояла перед исследовательницей, заключалась в анализе истории формирования и распространения меланхолии, а так же её восприятие на разных этапах человеческого развития: “меня интересует не современное определение меланхолии (или депрессии), а то, что в прежние времена понимали под этим состоянием сами меланхолики и их окружение”¹⁴.

Тема психического состояния английского общества среди исследователей истории раннего Нового времени поднималась, в первую очередь, представителями ленинградской школы. Валентина Владимировна Штокмар, создавшая школу исследователей позднесредневековой Англии, занималась исследованиями социально-политических и религиозно-духовных реалий английского общества XVI-XVII века.¹⁵ Подчеркивала неизбежность широкомасштабных перемен в сознании англичан после смерти Елизаветы и широкого распространения социального брожения.¹⁶

Ученик В.В. Штокмар, Федоров Сергей Егорович, в своих работах затрагивает весь спектр социальных, политических и духовных вопросов

¹³ Фуко М. История безумия в классическую эпоху/ Пер. с фр. И. Стаф/под ред. В. Гайдамака. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 35-40

¹⁴ Карин Юханнисон. История меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь/пер. со швед. И. Матьчиной. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С.10-18

¹⁵ Штокмар, В. В. Особенности пуританского движения конца XVI - первой трети XVII в. и начало конфликта между пуританами и абсолютной монархией//Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980. № 3. С. 93-104

¹⁶ Штокмар, В.В.История Англии в Средние века. СПб: “Алетейя”, 2005. С. 14

развития английского общества в конце XVI – первой половине XVII века.¹⁷ Особенно значимы для данной работы его исследований на тему зарождения и развития национального сознания и этнополитических идентичностей. Федоров С.Е. выделяет рассматриваемый мной период как период активного формирования британского самосознания и композитарной монархии.¹⁸

Задачи определяются уровнем развития историографии вопросов, поставленных в данном исследовании. Степень их разработанности определяет методику и выбор источников.

Что касается научной стороны “Анатомии”, без которой будет сложно понять, в чем заключается отличие труда Бертона от других исследователей его времени, то она представлена цитированием трактатов и трудов ученых разных направлений, таких как медицина, астрономия, философия, религия. Как отмечает Ингер, Бертон не всегда заботится о том, чтобы цитаты были точными. Наоборот, он часто изменяет для того, чтобы они подтверждали его собственные идеи и взгляды. Бертон перефразировал как отдельные слова, так и целые сюжеты. Здесь снова проявляется абсолютная открытость автора перед читателем. Автор заявляет: “Мои переводы, подчас, скорее перефразы на ту же тему, нежели перевод цитируемого. Поскольку я автор, я позволяю себе большую свободу и беру лишь то, что служит моим целям”.¹⁹ Как мы видим, Бертон не скрывает того, что подстраивал цитаты под нужды своего текста. Кроме того, он добавляет, что цитируемые книги не всегда были у него под рукой, вследствие чего автор позволяет себе вольный пересказ по памяти. Несмотря на это, “Анатомия Меланхолии” как источник представляет большой научный интерес при комплексном критическом подходе в изучении.

¹⁷ Федоров. С.Е. Пуританизм и общество в стюартовской Англии (позднее индипендентство). СПб.,1993.

¹⁸ Федоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу Средних веков//Вестник СПбГУ. История. СПб, 2013. № 3. С.75

¹⁹ А.М, С.99

Глава I. Меланхолия автора

Роберт Бертон родился 8 февраля 1577 года в древней и обеспеченной семье крупных землевладельцев Ральфа Бертон и его жены Дороти Фаунт, что позволило ему получить высококачественное обучение сначала в Брейнзнуз колледже (1593), а затем и в Крайст-Черч в Оксфорде (1599). Нет информации о том, почему, несмотря на то, что Брейнзнуз имел репутацию заведения, выпускающего благочестивых проповедников, Роберт Бертон сменил место обучения, но Ангусом Гоулэндом высказывалась мысль, что в период с 1593 по 1599 автор “Анатомии”, возможно, начал страдать от меланхолии и даже обращался за специализированной помощью к астрологу.²⁰ Так же Роберт Бертон пользовался поддержкой нескольких аристократов, в том числе лорда Беркли Джорджа. Таким образом, благодаря состоятельности семьи и доступы к огромному количеству источников, автор “Анатомии” мог полностью посвятить себя изучению меланхолии.

Прежде чем начать исследование его произведения “Анатомия Меланхолии”, стоит рассмотреть основные особенности исторической эпохи, в которой данный автор работал. Это позволит не только лучше понять социально-духовную конъюнктуру английского и в целом европейского общества XVII века, но и поможет избежать заблуждений в лабиринте красочных речевых оборотов и заимствований Роберта Бертон.

Нужно начать с того, что XVII век является камнем преткновения между отечественной и зарубежной историографией. Вопрос о периодизации истории средних веков и нового времени до сих пор остается дискуссионным. Советская историография, имеющая в своей основе марксистско-ленинскую историческую концепцию, придерживалась мнения, что рубежом между Средневековьем и Новым временем является окончание первой общеевропейской войны в 1648 году - Тридцатилетней. Такой периодизации придерживались крупнейшие советские специалисты по

²⁰ Gowland A. The worlds of Renaissance melancholy: Robert Burton in context. Cambridge; New York: Cambridge UP, 2006. P.5-6

истории западноевропейского средневековья (Люблинская А.Д.²¹, Штокмар В.В.²²). Большинство современных медиевистов продолжает выделять 16 – первую половину 17 века как позднее Средневековье.

В зарубежной же историографии большинство исследователей считает, что рубежом является либо окончание Столетней войны (1453), либо начало эпохи Великих географических открытий (1492).²³

Так как решение данного дискуссионного вопроса невозможно и не относится к теме моей курсовой работы, я считаю нужным рассматривать изучаемый мной период – первую четверть XVII века – как переходный.

Формирование буржуазии и последовавшее за ним ускоренное развитие колониальной политики привело к изменению социально-политической структуры западноевропейского общества. Одновременно с этим происходит изменение отношения к нему со стороны проживающих в Западной Европе людей. Это, в конечном итоге, привело к ряду крупных социальных конфликтов (восстания, революции).

XVII век стал временем становления первых национальных государств, национального самосознания. Наблюдалось формирование новых социально-политических связей внутри общества, как между гражданами, так и между гражданами и государством.²⁴

Важной чертой XVII века является значительный прогресс научного знания по сравнению с предшествующими периодами. Начинается преобладание научного рационалистического подхода, который приводит к изменению существующих методов исследования, накопления и передачи знаний. Кроме того, закладываются основы для развития старых и рождения новых научных направлений: помимо развития экспериментальной физики,

²¹ Люблинская А.А. Источниковедение истории Средних веков. Л, 1955

²² Штокмар, В.В. История Англии в Средние века. СПб., 2005.

²³ Брагина Л.М., Карпов С.П. История средних веков том 1. М.: Высшая школа, 1990. С. 21-39

²⁴ Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. Том 1. СПб, 2001. С. 23-34

геометрии, физиологии, развиваются так же гуманитарные науки, такие как юриспруденция, международное право и, в особенности, психология.²⁵

По мнению крупного советского исследователя истории литературы и искусства, Р. Ю. Виппера, XVII век отражает “неуклонно возрастающий интерес к проблемам взаимосвязи человека с окружающим его миром. Двигаясь вслед за ренессансными традициями, литература XVII века исходит из представлений о свободной человеческой личности, тесно соприкасающейся со стихийным движением исторического процесса, с социальными и национальными жизненными укладами, а так же уделяет большое внимание социальной среде, формирующей нравственный облик человека”.²⁶

Изображение внутреннего мира человека, присущее литературе XVII века, отражает борьбу личного и общественного начала, его вступление в гущу политической и общественной борьбы. Она же, в свою очередь, создает благодатную почву для развития драматического начала в литературе.

Тенденция совмещения у Шекспира драматического и комического, находит своё развитие в начале XVII века. Одновременно с этим усиливается интерес к внутреннему миру человека, его психическому состоянию, мотивации деятельности, поступков.

На этой почве происходит расцвет литературы барокко, возвеличивающей превосходство дворянства, его избранность, стремление воспроизводить жизненные явления в их динамике и нередко пессимистический фатализм жизни и судьбы человека.

Крупный зарубежный исследователь творчества Роберта Бертона, Гоулэнд²⁷, относит Анатомию меланхолии, как и его предшественники

²⁵Гревельян Дж. М. Социальная история Англии/ Пер. с англ. А.А. Крушинской, К.Н. Татариновой/ Под ред. В.Ф. Семенова. М.:изд. иностранной литературы, 1959. С. 45-93

²⁶ Виппер Ю. Б. Литература Западной Европы XVII в. // История всемирной литературы. Том 4. М.: Наука, 1987. С. 40-54

²⁷ Gowland A. The worlds of Renaissance melancholy: Robert Burton in context. Cambridge; New York: Cambridge UP, 2006. P. 22

(О'Коннелл²⁸ и Джордан-Смит²⁹), к эпохе барокко, однако, я с ними не согласен. Произведение Бертона не несет в себе стремления ни к возвеличиванию, ни к автономии отдельных жанров, ни изменениям античных представлений о человеке, то есть, не соответствует основным чертам, присущим литературе эпохи барокко.

В связи с этим возникает вопрос – в чем же отличие произведения Роберта Бертона от другой литературы его эпохи?

Для того чтобы ответить на один из главных вопросов моей работы и увидеть, как Роберт Бертон демонстрирует своему читателю состояние английского общества XVII века, необходимо начать с обширной авторской вступительной части “Анатомии” – “Демокрит Младший – читателю”. Её условно можно разделить на две части: в первой автор дает комментарий по своей книге, а во второй начинает негодовать по поводу общества и его судьбы, давая исследователю обширную информацию по своему внутреннему мироощущению.

Первая часть вступления является не менее важной, чем вторая, так как помогает расшифровать некоторые мотивы поступков самого автора при написании *Анатомии* и тем самым понять индивидуальную конъюнктуру психического состояния Роберта Бертона.

“Анатомия Меланхолии” включает в себя более тысячи источников и около полутора тысяч имен авторов, которые были использованы этим неутомимым книголюбом для написания своей работы. Этот поистине титанический труд подтверждает слова исследователя Маркиша, о которых в предисловии к “Анатомии” упоминает А.Г. Ингер, писавшего, что столь частое цитирование “есть неотъемлемое свойство высокого Возрождения”³⁰. То есть Бертон, как и большинство его современников, а так же предшественников, на которых он опирался – Эразм и Монтень – считали,

²⁸ O'Connell M. Robert Burton. Boston: Twayne Publishers, 1986.

²⁹ Jordan-Smith P. *Bibliographia Burtoniana*. Stanford: Stanford UP; London: H. Milford: Oxford UP, 1931.

³⁰ А.М. С.19

что ценность книги напрямую зависит от степени демонстрации своей эрудиции путем цитирования авторитетных произведений и авторов. Сам Бертон в своем предисловии “От Демокрита Младшего читателю” осуждает подобную любовь к авторитетным именам, заявляя, что многие люди читают чьи-то произведения, опираясь не на содержание, а на имя автора.³¹ Поэтому он просит не ставить ему в вину присвоение имени Демокрита.

Так же он говорит о том, что его современники используют “уловки”. Например, они стараются “дать книге название такое, чтобы она продавалась”.³² При всем своем негативном отношении к подобным людям и своему веку, который он называется “веком бумагомарателей, честолюбивым веком”³³, Бертон не кичится своей книгой, а утверждает, что ничем не лучше остальных, что он сам не сказал ничего нового, “а то, что есть, украдено у других”.³⁴ Автор считает, что все эти “бумагомаратели” (в том числе и он сам) просто “снимают пенку с чужой мудрости”, что все они “воры” и занимаются тем, что “разгребают навозные кучи”.³⁵ Однако далее в тексте Бертон заявляет, что “не стоит пренебрегать тем, что хорошо сказано”, ведь он сам “старательно собирал” эту компиляцию других авторов, “заимствовал, а не воровал” и что его книга отличается “новизной своего изложения”. Он сам плохо думает о своей книге, “но другие (книги) не лучше”³⁶.

Далее следует утверждение автора, что люди “не ценят того, что уже сделано”, что они “чернят творения” из-за одного лишь внешнего вида человека. Затем Бертон критикует всех тех, кто отказывает в признании по причине бедности писателя.³⁷

Заканчивает данную мысль автор тем, что просит не читать его произведение тем, кому оно не нравится, так как ему, по сути, безразлично

³¹ А.М. С.72

³² А.М. С.79

³³ А.М. С.83

³⁴ А.М. С.82

³⁵ А.М. С.84

³⁶ А.М. С.88

³⁷ А.М. С.91

мнение такого человека, но ему бы не хотелось, чтобы его труд поливали грязью достойные люди.

Из всего этого следует, что Бертон изначально не считает нужным писать для всех и каждого, ради денег или славы. Он адекватно оценивает субъективность мышления не только каждого отдельного человека, но и определенных социальных групп. На его взгляд, их интересом можно легко управлять посредством “уловок”³⁸, но сам Бертон не пользуется подобными приемами, так как ищет свою собственную аудиторию, которая не станет идти на поводу у авторитетных имен и названий, тех, кто сможет определить ценность книги по её содержанию. Только таких людей автор называет достойными – им и адресована книга.

Именно в этом отличие Бертона от других авторов - *Анатомия* написана путем совмещения свободной манеры повествования с желанием структурировать процесс изложения информации.³⁹ С одной стороны, мы можем наблюдать трактат, который вобрал в себя огромное множество исследований, взглядов и теорий, а с другой стороны, мы обнаруживаем связь “писатель-читатель”⁴⁰, которая выражена через прямой диалог с читателем. Например, это подтверждает его утверждение “ты сам служишь предметом моих размышлений”⁴¹. Подобными заявлениями Бертон сближает себя с читателем, входит к нему в доверие, создает ощущение, что книга хоть и обращена ко всем, но так же и адресована каждому человеку в отдельности.

Свободная манера повествования проявляется на протяжении всей книги и отражает стремление автора не просто научно изложить суть меланхолии и пути её лечения, но и достучаться до своего читателя. Именно поэтому сам Бертон сравнивает свою книгу с барабаном, который после смерти полководца Жижки был обтянут его кожей и внушал страх врагам.

³⁸ А.М. С.79

³⁹ А.М. С.20

⁴⁰ Mary Ann Lund. *Melancholy, Medicine and Religion in Early Modern England. Reading The Anatomy of Melancholy*. Cambridge: Cambridge university press, 2010. P.20-30

⁴¹ А.М. С.74

Автор надеется, что его книга сослужит подобную роль для своего читателя – прогонит прочь его меланхолию.⁴² Таким образом, автор прямо говорит о том, что его цель – помочь человеку избавиться от этого опасного недуга. И говоря “человеку”, стоит иметь в виду, что Бертон не отделяет себя от остального человечества, а признается в том, что сам страдает от меланхолии и хочет своим трактатом избавиться от своего собственного недуга.⁴³

Одновременно с этим, Бертон называет себя “зрителем в театре”, который наблюдает за тем, как все вокруг “мечутся, ездят, суматошатся”. Сам автор большую часть своей жизни провел в стенах родного Крайст-черч-колледжа в Оксфорде, имел степень бакалавра богословия и мог уделять всё свободное время чтению книг, так как не имел ни семьи, ни материальных забот. Поэтому Бертон со смехом воспринимает то, что “сковывает человека - дело, бизнес, жен, детей”, но при этом опять же не остается в стороне от всего этого. Он рисует себя не в образе отстраненного от мира зрителя, который с подмостков своего положения насмехается и презирает суетность жизни, а как “горюющего”⁴⁴ и не имеющего сил что-либо исправить человека, вынужденного искать путь спасения из этого омута Меланхолии.

И не зря Бертон выбирает именно такой способ повествования и взаимодействия уровня “писатель-читатель”, ведь основной целью написания работы он ставит задачу “выработать, сформулировать для себя оптимальную формулу существования” и помочь читателю сделать то же самое.⁴⁵

При этом автор предупреждает читателя о том, что все эти мысли и идеи субъективны и что не следует приписывать себе все симптомы⁴⁶, которые он описывает, так как самовнушение может вызвать, выражаясь современной психологической терминологией, ипохондрию.

⁴² А.М. С.105

⁴³ А.М. С.72

⁴⁴ А.М. С.77

⁴⁵ А.М. – С.22

⁴⁶ А.М. – С.106

Из всего сказанного выше, можно заключить, что Бертон, живший и работавший в первой половине XVII века, выбирает методику написания своего труда, используя приемы, близкие современным основам психотерапии. Во-первых, он устанавливает личную связь с читателем через свободную и открытую манеру повествования. Во-вторых, автор указывает на то, что меланхолией страдают все, даже он сам, таким образом, одновременно создавая связь между собой и читателем в виду общей болезни и заботясь о том, чтобы у читателя не создалось впечатления, будто бы он один на один с этим недугом.

Благодаря тому, что Бертон называет болезнь всеобщей, ему удается удержать не только самого читателя, но и его здравый рассудок, что подтверждается заботой автора о том, чтобы читатель не подвергся когнитивным ошибкам сознания, таким как избирательное абстрагирование (избегание приписывания себе симптомов).⁴⁷

В связи с этим, я считаю, что Бертон можно назвать основателем своего собственного, необычного и неповторимого метода общения с «пациентами» - читателями через текст, отчасти схожего с системой современного психотерапевтического лечения.

Подобное стремление к пониманию внутреннего мира человека и взаимодействия с ним неудивительно. Еще в начале XVI века испанский врач, философ и гуманист Хуан Луис Вивес, который в своей книге “О душе и жизни” во многом предвосхитил опытный метод Френсиса Бэкона, заложил основы психологии, как науки, утверждая, что природу человека можно познать путем наблюдения и опыта. Он так же рассматривал эмоции, память и язык через призму науки, создавая тем самым новый подход в объяснении человеческого поведения⁴⁸.

⁴⁷ Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии. СПб, 2003. С.102-109

⁴⁸ Багадирова С.К., Леонтьева А.В. История психологии. Учебно-методическое пособие. М: Директ-Медиа, 2014. С. 202-223

Во второй половине XVI века другим врачом, Хуаном Уарте, была написана книга “Исследование способностей к наукам”. В ней была поднята тема оптимального использования природных дарований человека, что предполагало глубокое изучение индивидуальных различий людей. Только в 1900 году Уильям Штерм дал название этому подходу – дифференциальная психология⁴⁹.

XVII век стал столетием постоянного зарождения и столкновения научных теорий. Френсис Бэкон, Монтень, Галилео Галилей, Рене Декарт и другие крупные деятели XVI – первой половины XVII века дали импульс не только зарождавшейся научной мысли Нового времени, но и творчеству Роберта Бертона. Именно их идеи и взгляды в сочетании с психологическими концепциями Хуана Луиса Вивеса и Хуана Уарте стали отражением постепенно нарастающих изменений в сознании и психологии европейской части населения 17 века, в том числе и английского общества.

Однако Бертон является не просто продолжателем чужих идей или “переписчиком”, как он сам себя называет.⁵⁰ Его методы общения “писатель-читатель” находятся в тесной взаимосвязи с хорошо структурированной организацией текста и научных теорий.

“Анатомия Меланхолии” отчасти схожа с жанром опытов, разработанным Монтенем, если рассматривать объемные размышления на отвлеченные от меланхолии темы, такие как обустройство идеального государства⁵¹, войны⁵², социальное неравенство. Схожими чертами также являются многочисленные цитаты, перемешанные с собственными рассуждениями, критика жестокой и “глупой”⁵³ власти. Однако в Анатомии Бертона можно найти то, чего не хватало Опытам Монтеня, а именно хорошо организованной структуры повествования. Даже пространные личные

⁴⁹ Ярошевский М.Г. История и теория психологии в 2-х томах. Ростов-на-Дону, 1996. С. 75

⁵⁰ А.М. С.87

⁵¹ А.М. С.150-179

⁵² А.М., С.182-190

⁵³ А.М., С.124

рассуждения Бертона непременно содержат отсылку к основной тематике своего труда: идеальное государство - путь излечения от меланхолии, а войны и социальное неравенство – источник размножения этой болезни. Каждое заявление автора подкрепляется ссылкой на исследователей или их работы.

Говоря о том, почему же Бертон пытается объять необъятное и разбирает предмет своей работы через такое количество отдельных, самостоятельных наук, то следует указать на его слова: “каждая любознательная душа не может быть рабом одной науки”.⁵⁴ Эта мысль, во-первых, связана с тем, что Демокрит, имя которого использует автор, был, по его мнению, “сведущ во всех науках”⁵⁵. Бертон во многом сравнивает себя с ним. Автор, также как и Демокрит, пытается познать суть меланхолии, исследовать “черную желчь”. Поэтому можно наблюдать параллели, которые проводит Бертон между собой и этим античным философом. Во-вторых, на начало раннего Нового времени, когда книгопечатание достигло определенных и весьма значительных успехов, большая часть высшего сословия активно скупала книги, не делая различий между тематикой и опираясь лишь на авторитет автора и красоту названия книги. Это подтверждает как Ингер во вступительной статье к Анатомии, так и сам Бертон, который, к слову, в своей личной библиотеке имел порядка 1800 книг по различным тематикам. Примерно в это же время начинают активно формироваться частные коллекции, на которых одним из объектов демонстрации и, несомненно, гордости владельца являлась его библиотека. Работа Роберта Бертона и пять её переизданий пользовались немалым успехом у современников и многие образованные англичане считали нужным иметь её в своей домашней библиотеке⁵⁶.

⁵⁴ А.М, С.76

⁵⁵ А.М, С.74

⁵⁶ А.М, С.23

Кроме того, Бертон заранее предупреждает вопросы о том, почему он, церковнослужитель, “сует нос в медицину”⁵⁷. Здесь можно наблюдать, как член церковной организации начинает высказываться по отношению к богословию.

Коренные изменения XVII века оставили след и в религиозной сфере жизни английского общества. Роберт Бертон, хоть и считает богословие “повелителем всех прочих знаний”, заявляет, что “участие в богословской полемике – это все равно, что отрубать голову стоголовой гидре”⁵⁸ и что “куда безопаснее рассердить могущественного государя, нежели монаха нищенствующего ордена”.⁵⁹ Эти слова объясняются тем, что автора Анатомии обвиняет всех участников богословских споров в бесстыдстве, гнусной лживости и злобе. По его мнению, все науки останавливаются в развитии, когда начинаются бессмысленные препирательства, а люди тратят на них уйму времени. То же самое происходит и с медициной. Именно поэтому, как заявляет Бертон, он и занимается вопросом меланхолии: чтобы “отыскать лекарство от всевозможных недугов”⁶⁰.

Дальше слова Бертон приобретает эмоциональную окраску: он открыто заявляет, что раз те, кто не сведущ в богословии – лезут в нее, то и сам Бертон будет заниматься той наукой, которой он сам захочет. В свою защиту автор пишет, что меланхолия – это болезнь души, а она, в свою очередь, касается и церковнослужителей. По его мнению, хороший церковнослужитель должен быть и духовным целителем, коим являлся и сам Иисус Христос. Так же Бертон считает, что меланхолия – болезнь и тела, и души, следовательно, лечить её нужно совместными усилиями врачей и церковнослужителей.⁶¹

⁵⁷ А.М, С.100

⁵⁸ А.М, С.101

⁵⁹ А.М, С. 101

⁶⁰ А.М, С.102

⁶¹ А.М, С.38

Важно отметить, что автор *Анатомии*, будучи христианином, выступает за научный союз богословия с другими науками, призывая к совместному исследованию проблем человеческого существования и их решению.

Обобщая все вышеизложенное, я считаю важным отметить вслед за Мэри Эн Лунд, что Роберт Бертон создал свою собственную, уникальную методику общения “писатель-читатель”. С одной стороны, благодаря своей открытой манере повествования, просторечиям и эмоциональным вставкам, он располагает читателя к себе и к своему труду. Так же хаотичное использование Бертоном вставок и цитирований авторов, относящихся к различным историческим и социально-культурным реалиям, стирает временные рамки не только перед читателями-современниками, но и будущей читательской аудиторией, и создает ощущение однообразности процесса исторического развития. Таким образом, Роберт Бертон в первой части вступления объяснил читателю причину своих действий, а так же дал свою краткую внутреннюю характеристику. Здесь он показал, что сам является человеком, страдающим от меланхолии и что его книга – всего лишь попытка разработать программу действий для предотвращения и лечения этой болезни. Его желание быть открытым с читателем и признание ошибок и недостатков своей книги подготавливает читателя к восприятию дальнейшего повествования.

Что касается отношения *Анатомии* к различным направлениям общественной мысли, получившим развитие во второй половине XVI – первой четверти XVII века, то, насколько можно заметить, произведение Бертона обладает как чертами, присущими барокко (экспрессивность, контрастность образов), так и реализму (отражение действительности) и эмпиризму (повторение и единообразие событий и образов, основанных на полученном опыте).

Глава II. Меланхолия общества

Расположив читателя к себе, автор Анатомии пытается объяснить ему, чем опасно нынешнее положение вещей, образ жизни, пороки, слабости, болезни, определенные социальные и культурные установки. Таким образом, вторая часть вступления позволяет увидеть реалии европейского, в частности английского, общества глазами самого Роберта Бертона. Учитывая факт того, что произведение Бертона пользовалось немалым успехом среди современников, не приходится сомневаться в актуальности его мнения и взгляда в среде английского общества XVII века. Для того чтобы продолжить исследование, которое напрямую касается их психологического состояния в интерпретации Роберта Бертона, я считаю, что нужно обратиться в истории формирования психологической науки в Средние века.

Если говорить о науке в Средние века, то, прежде всего, следует отметить её тесную связь с религиозным сознанием, так как вне церковной иерархии людей, занимающихся исследовательской деятельностью, практически не существовало. Отказавшись от опыта античности, который позволил совершить переход от мифологического к научному знанию, средневековая наука вновь обратилась к сакральности. Важность той или иной сфер исследований рассматривалась в её связи и взаимовлиянии с верой, что определило развитие, в том числе, и психологии в Средние века.⁶²

По мере усиления влияния церкви на сферы жизни общества, её изначально моральные и этические функции приобретали новый характер: душа, надзор за которой должны были осуществлять клирики, становилась в центр человеческого существования, что делало все остальные аспекты ей подотчетной. Мы можем наблюдать это в трудах Аврелия Августина в отношении истории, светская сторона которой утрачивала своё значение, уступая место истории души с конечным итогом ввиду Страшного суда. То же самое коснулось и психологии.

⁶² Марцинковская Т. Д. История психологии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр Академия, 2001. С. 80

Античные же традиции, опыт и знания, накопленные к началу Средневековья, переживали комплексные изменения: от формального игнорирования и запрещения (Исидор Севильский) до постепенной трансформации для нужд церкви. Этой цели помогла достичь патристика, сделав клириков основными распространителями знаний.⁶³

Оплотом науки стали монастыри, в стенах которых переписывались, создавались и хранились книги. Светские элитные школы, которые были известны еще с античности, теряли своё значение, в связи с переходом вопросов образования (в центре которого, опять же, стоял моральный вопрос) в сферу деятельности церкви. Так монахи становились практически единственными грамотными людьми, в то время как высшее сословия и даже сами короли/императоры не умели считать и писать. Христианство, обладая существенным влиянием среди простого народа и неся в себе идеи сильной центральной власти, пользовалось возрастающей поддержкой императора, который старались поставить его под свой контроль. Однако папы тоже цепко держались за свою власть, что вызвало споры за инвеституру и привело к постепенному упадку авторитета церкви.

К XII веку такое положение дел начинает кардинально меняться. Это связано не только с усилением авторитета светской власти, как уже было сказано выше, но и с появлением первых университетов (в Болонье, в Париже). Постепенно, но уверенно, происходит секуляризация общественной и научной мысли – духовенство перестает быть единственным оплотом образованности и культуры. Возрождается авторитет старых светских школ, появляются новые образовательные учреждения, усиливается самоуправление городов и цеховой системы организации. Всё это ознаменовало изменение самосознания человека и требовало иного осмысления действительности, чем то, что могло дать церковь, новых авторитетов, которыми и стали университеты, несущие аргументированное и логически выверенное знание.

⁶³ Петровский А.В. Ярошевский М.Г. История и теория психологии в 2-х томах. Т 1. М.,1996. С. 93

Церковь же, боясь окончательной утраты своего влияния, обратилась к схоластике, которая явила собой новое, отвечающее времени, прогрессивное явление. Она ставила своей целью активную модификацию античной и церковной традиции: приведение логической системы, доказательственной базы. Даже ораторское искусство встало на службу церкви с целью борьбы за авторитет на скамьях университетов. Таким образом, схоластика была связана с репродуктивным способом мышления.⁶⁴ Это определило её догматичность и отсутствие гибкости по отношению к новым явлениям. Неспособность ответить требованиям времени, в конечном итоге, привела к использованию силовых методов сохранения авторитета, в том числе и инквизиции.

Изучение психологии происходило под влиянием античных авторов. Основным направлением деятельности средневековых ученых в области психологии являлось выявление взаимосвязи речи с процессом мышления и разработка понятийного аппарата (универсалий), ставшая в период усиления схоластики одним из наиболее важных вопросов. Можно выделить три направления в изучении универсалий. В первую очередь оформился взгляд, перекликавшийся с античным опытом - реалистический. Его представители, среди которых наиболее известен Ансельм Кентерберийский, придерживались мнения, что общие понятия существуют в сознании Бога. Эта идея, отчасти, разделяла основную направленность позиции Платона, согласно которой, общие понятия существуют в так называемой “мировой душе”.⁶⁵ Второй подход представляли номиналисты (Уильям Оккам, Росцелини), отрицавшие существование общих понятий в реальности. Третий подход, тесно связанный с номинализмом, получил развитие в трудах Пьера Абеляра и получил название концептуализма. Согласно его точке зрения, общие понятия имели двойную направленность: являлись

⁶⁴ Ждан А.Н. История психологии: от античности к современности: Учебник для студентов псих.фак.универ. М.,1999. С. 173

⁶⁵ Марцинковская Т.Д. История психологии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001. С. 207

одновременно и “звуком” (согласно позиции номиналистов), но так же и имели прямо влияние на сознание людей. Именно с именем Абельяра связываю возрождение рационализма, как преобладания разума над верой, ставшего основным направлением философии Нового времени.⁶⁶

Важнейшими направлениями изучения психологии для церкви являлось выявление способов манипуляции сознанием массы людей, снятия психического напряжения и создание системы контроля над моральным обликом человека. Благодаря этому, даже на ранних стадиях развития христианская религия смогла укрепиться среди населения римской империи через пап (первоначальное название священников). Они использовали модернизированные приемы античного ораторского искусства для проведения проповедей и распространения христианства.⁶⁷

Однако, по мере усиления роли церкви, применяемых методов стабилизации психологического сознания становилось недостаточно, особенно в периоды эпидемий, войн, голода. Античный опыт потерял свою способность отвечать потребностям, и церковь занялась разработкой собственных приемов, исходивших из самой сути христианской религии: обряды, исповеди, покаяния. Благодаря этому внушению возможности искупления вины, очищения, прощения клирикам удавалось держать в психологической зависимости всё возрастающее количество людей. Более того, эти приемы нашли одобрение со стороны правящей верхушки, видевшей в них способы снижения социального напряжения. Многие психологи, среди которых Ждан А.Н., отмечают существование терапевтического эффекта в применяемых методах.⁶⁸

У Роберта Бертон так же можно найти упоминание случаев исцеления с помощью веры и психологии некоторых психосоматических заболеваний

⁶⁶История психологии XX век. /Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. 4-е изд. М.: Академический проспект; Екатеринбург. Деловая книга, 2002. С. 112

⁶⁷Петровский А.В. Ярошевский М.Г. История и теория психологии в 2-х томах. Т 1. М., 1996. С. 92

⁶⁸ Ждан А.Н. История психологии: от античности к современности: Учебник для студентов псих.фак.универ. М.: Педагогическое общество России 1999. С. 112

(астма, язвы, истерия).⁶⁹ Таким образом, можно проследить связь между приемами современного психоанализа и методов священнослужителей, в число которых входит технология внушения.⁷⁰

Важное место занимало ораторское искусство, ставившее своей целью управление чувствами и эмоциями слушателей с дальнейшей установкой определенного эмоционально-психологического состояния, необходимого для максимально эффективного восприятия поступающей информации и убежденности в правоте говорящего клирика. Для этого активно использовались как вербальные, так и невербальные средства (жестикуляция, интонация, мимика).⁷¹

Свою собственную характеристику психологического состояния мира и людей в нем проживающих автор начинает с заявления о “неизбежности распространения” меланхолии. По мнению Роберта Бертонна, все люди охвачены “умоисступлением”, то есть глупостью, меланхолией или безумием. Используя такие приемы как наводящие и риторические вопросы, автор *Анатомии* заставляет читателя задуматься над его словами, а благодаря подтверждающим его слова цитированиям высказываний отцов церкви, таких как Иероним, Павел, Исайя – укрепляет силу их влияния и авторитет.

Не избежало этой болезни и высшее сословие. Автор отмечает, что во все времена представителей высшего сословия и просто богатых людей – считали лучшими, а простых людей – стоящими ниже не только по статусу, но и по чести, уму, достоинству. Такое отношение вызывает у Бертонна критику: “так у нас издавна водится – считать четных, благородных идиотами, поскольку они не умею лгать, льстить, ловчить”⁷². Однако при этом он называет людей, живущих по совести – безумцами. Для подтверждения своего мнения, Бертон вновь использует цитаты. Анализируя

⁶⁹ А.М, С.149

⁷⁰ Ждан А.Н. История психологии: от античности к современности: Учебник для студентов псих.фак.универ. М.: Педагогическое общество России 1999. С. 220

⁷¹ Петровский А.В. Ярошевский М.Г. История и теория психологии в 2-х томах. Т-1 1996. С. 177

⁷² А.М, С.110

текст и обращаясь к источникам, несложно заметить, что слова, используемые автором, расходятся по смыслу с тем, что он пытается ими доказать. Например, цитата из Библии “сказал безумец в сердце своем” относится к человеку, который заявил о том, что Бога не существует. Бертон же использует её, чтобы передать безумие человека, “живущего в страхе Божьем”⁷³. Данный способ доказательства автор использует на протяжении всей своей книги, что не следует забывать при тщательном анализе, чтобы не попасть в паутину лжи и красивых слов Роберта Бертона.

Имея в своих руках такое сильное оружие, как своевольное цитирование, Бертон переходит в наступление на большое количество античных писателей. По его мнению, практически все античные писатели, будь то Платон, Аристотель, Сократ, или другие важные фигуры прошлого (Александр Македонский) – все они “олухи, глупцы, безумцы, ослы, преисполненные нелепыми и смехотворными нормами и бредовыми взглядами... Их образ жизни полностью противоречит тому, что они пишут”. Обосновывает он свое мнение тем, что человек всегда пытался ответить на важные вопросы, например о смысле жизни, добре и зле, однако никогда не заглядывал в самого себя.

На мой взгляд, это одна из наиболее важных частей произведения Бертона. Именно в ней он приводит читателя к мысли о необходимости изучения внутреннего мира человека с той позиции, которую использует психология – понять не то, “как” человек действует, а “почему” он действует именно так, а не иначе. Роберт Бертон с помощью своей резкой критики всего человечества пытается сыграть на эмоциях читателя и заставить его задумать над тем, почему человек никогда раньше не пытался излечить себя от безумия меланхолии?

После этого Бертон раскрывает фабулу вступительной части и обосновывает её название в беседе между Гиппократом и Демокритом.

⁷³ А.М, С.110

Философ Демокрит, наблюдая безумие людей, разразился хохотом, после чего люди подумали, что он повредился в уме, и попросили знаменитого врача Гиппократ о помощи. Тот застал Демокрита в саду, окруженного вскрытыми трупами животных и погруженного в свои мысли и, узнав, что философ пытается своим занятием найти причину безумия и меланхолии, выразил свое восхищение его досугом. Однако сам Гиппократ, отвечая на вопрос философа, признался, что сам не может заниматься подобным, так как занят разнообразными ежедневными жизненными заботами. Это вызвало у Демокрита смех, после чего, он приступил к красочному и полному примеров объяснению своего, как показалось жителям его родного города, безумию: по мнению философа, жадность людей, стремление к обладанию чем-то, что превышает их потребности, к бесполезным вещам, неспособность определить свой образ жизни – все это абсолютное и неизлечимое безумие. Гиппократ, выслушал подобные слова, возразил, что такова природа человек – постоянно надеяться и стремиться к лучшему. Но философ рассмеялся вновь, выделяя камнем преткновения в поведении человека то, что люди не стремятся к лучшему, так как сами не знают, чего же они хотят. После долгого разговора с Демокритом знаменитый врач заключил, что тот не безумен, а является одним из самых мудрых людей.⁷⁴

Данный диалог отражает фабулу не только вступительной части, но и всего произведения, так как Роберт Бертон ассоциирует себя с Демокритом. Он так же смеется над людским безумием, но все же не бросает попыток помочь человечеству своими поисками причин распространения “черной желчи”, и так же, как и античный философ, посвящает все своё время этому занятию⁷⁵.

Сейчас же, как считает Бертон, миру требуется “исполинский Демокрит”⁷⁶, так как “весь мир валяет дурака”⁷⁷. По мнению автора

⁷⁴ А.М, С.114-119

⁷⁵ А.М, С.63

⁷⁶ А.М, С.124

⁷⁷ А.М, С.124

Анатомии его время представляет собой “новый театр, новую Комедия ошибок” по той причине, что “обряды богини удовольствий справляются по всему миру, и все актеры – безумцы и глупцы, ежечасно меняющие свои маски”⁷⁸. Именно такими видит Бертон своих современников – “новым собрание фальшивых личин, Куманских ослов, лицедеев в масках, мотыльков, призраков, монстров”⁷⁹. Но, справедливости ради Бертон отмечает, что во все времена происходило одно и то же “состязание в глупости”⁸⁰, что человек изменяет обычаи, законы, поведение, но пороки, болезни и причины своего безумия: “Все еще совершаем ошибки, валяем дурака до самого конца”⁸¹.

Пути проявления этого безумия, которое заставляет Роберта Бертон так нелюбезно отзываться о своем времени, раскрываются далее. Первый из них – современная ему религия.

После возникновения пуританизма, английское общество в XVI - начало XVII века подверглось сильной идеологической встряске. Как отмечала В.В. Штокмар⁸², движение пуританизма за обновление церкви обладало, в первую очередь, экономической и политической направленностью, однако современная историография начинает склоняться к изучению духовных и богословских аспектов пуританского движения в Англии середины XVI – начала XVII века.

Как уже было сказано выше, Анатомия Меланхолии отразила все происходящие изменения в сознании английского общества начала 17 века, и постреформационная религиозная жизнь не стала исключением. Роберт Бертон пишет, что “суеверия, религиозное безумие” заменило истинное христианство, тем самым делаю отсылку к пуританской идее очищения

⁷⁸ А.М, С.124

⁷⁹ А.М, С.125

⁸⁰ А.М, С. 125

⁸¹ А.М, С.126

⁸²Штокмар, В. В. Особенности пуританского движения конца XVI - первой трети XVII в. и начало конфликта между пуританами и абсолютной монархией//Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980. № 3. С. 93-104

церкви. По его мнению, “много людей исповедует христианство, но мало подражает Христу, много разговоров о религии и науке, но мало совестливости, как много ученых и проповедников, но мало практических дел, разнообразие сект, стремление всех партий обладать и удерживать, сколько нелепых и смехотворных традиций и церемоний”. Именно так Бертон характеризует современных ему священнослужителей. Особой критике подвергается Папа: “повелитель с тройной короной, ничтожный преемник Петра, низлагающий своей ногой королей, попирающий императоров, заставляющий их стоять босиком и без чулок у его ворот”. Заключает Бертон данную критику словами – “глупость тщится проникнуть на самые небеса”⁸³.

Автор Анатомии не обошел стороной традиции и церемонии церкви: “поддельные, изъеденные червями мощи”⁸⁴, “церковное раболепие, изображение святых, торговля индульгенциями, стучание лбом об пол и множество других развлекательных зрелищ в угоду невежественной толпе, молящейся на тарабарской латыни и перебирающей четки”⁸⁵.

Иезуитов Бертон называет лицемерами, проповедующими бедную жизнь, но владеющими бесчисленными сокровищами и влезавшими в государственную сферу, отъявленными сводниками и известными прелюбодеями, исполненными злобой подстрекателями, убийцами, предателями и многими другими “лестными” словами.⁸⁶

И в заключении своей мысли Бертон представляет низшее сословие как “стадо баранов”, которое готово все принять на веру и не хочет отказываться от старых обрядов, к которым привыкли предпочитая этому смерть. Фанатизм, страх и лицемерие заставляют их посещать проповеди, притворяясь набожными, но оставаясь “извергами человеческого рода, гарпиями, дьяволами”.

⁸³ А.М, С.128

⁸⁴ А.М, С.127

⁸⁵ А.М, С.127

⁸⁶ А.М, С.128

Особенно интересна мысль Бертона касательно симонии, продажности церкви и индульгенций. По его мнению, священнослужители тратят огромную часть своей жизни на обучение, а в итоге получают гроши, которые все равно уходят на выплату налогов и аренду. Именно это, в свою очередь, заставляет священнослужителя обращаться к любому способу заработка деньги: “при таком положении вещей, не стараемся ли все мы, принявшие священнический сан, извлечь прекрасное, поскольку не обретает лучших плодов от трудов своих?”⁸⁷ Дополнительно к этому, он отмечает, что “не будь покупателей, не было бы и продавцов”⁸⁸.

Сама церковь, по мнению Бертона, виновата в своём грехопадении меньше, чем “всевластные покровители”⁸⁹. Он лично свидетельствует о том, что недостойные люди назначаются на высшие государственные и церковные посты, тем самым, ухудшая ситуацию.

“Бесстыжий, богохульствующий, эпикурейский, ханжеский сброд! По мне, так пусть сколько угодно изображают религиозное рвение, прикидываются истинными верующими...; они атеисты по самой своей сути и хуже язычников”⁹⁰. Так Бертон клеймит не только тех, кто практикует симонию, но и патронов, которые крадут церковную десятину.

Автор Меланхолии не призывает к активным действиям, что говорит об еще несформировавшемся общественном сознании, которое, в итоге, привело к революции: “Жуй себе лозы, козел...продолжай в том же духе. Господня месть их все-таки настигнет”⁹¹. Однако, стоит отметить, что такое отношение определенно является подтверждением изменившихся социальных условий, породивших яростное недовольство существующей общественной структурой.

⁸⁷ А.М, С.512-513

⁸⁸ А.М, С.513

⁸⁹ А.М, С.513

⁹⁰ А.М, С.515-516

⁹¹ А.М, С.516

Отсюда видно, что религиозная жизнь европейского общества в XVII веке в отражении Роберта Бертона представляет собой прогнившую католическую и, в общем, церковную структуру. Автор Меланхолии резко критикует все её важнейшие элементы и психологические инструменты, о которых было сказано выше, тем самым отражая один из самых масштабных политических и религиозных конфликтов в Европе между набирающей силу в процессе Контрреформации католической церковью и могущественными династиями – Тридцатилетнюю войну.

В связи с этим не случайно, что второй путь проявления безумия по Роберту Бертому – это война. Жестокость Тридцатилетней войны в сочетании с возрастающей индивидуализацией и раскрепощением сознания вызвала в умах европейского общества XVII века настоящий взрыв. Тридцать лет бесконечных военных действий, опустошений и разорений, голода и нужды, пожаров и эпидемий представлялись им настоящим Апокалипсисом. Ощущение ужаса сделало Тридцатилетнюю войну, по словам известного немецкого историка Й. Буркхардта, “из ряда вон выходящим историческим событием”⁹², аналогов которому пока еще не существовало. В последнее время в научной литературе началась дискуссия о том, как люди переживали и психологически воспринимали войну. Как отмечает Вероника Веджвуд, Тридцатилетняя война коренным образом изменила сознание современников событий, вызвав тем самым глубокий кризис европейского общества и его духовной жизни.⁹³

Во всех бедах войны Роберт Бертон винит высшее сословие. Согласно его мнению, кровопролитие начинается “из-за безумия одного человека...из-за какой-нибудь потаскухи, тщеславия, глупости...в угоду одному человеку, чтобы развеять его хандру”.⁹⁴ Автор Анатомии считает, что “тысячи людей отправляются на скотобойню”⁹⁵ в угоду тем, кто имеет власть, и “нет ничего

⁹²Володарский В.М. Якоб Буркхардт. Жизнь и творчество М.1996. С. 322

⁹³Веджвуд С.В.Тридцатилетняя война/ пер. с англ. И.В. Лобанова. М: АСТ, 2012. С. 142-147

⁹⁴ А.М, С.134

⁹⁵ А.М, С.135

более привычного этой мясорубки”.⁹⁶ После этого Бертон приводит в пример религиозную войну во Франции, войну Алой и Белой Розы, пороховой заговор, то есть использует еще не остывшие в памяти события для демонстрации ужасов военных действий. Он подводит под категорию безумцев всех солдат, которые добровольно идут на войну ради славы, всеобщего одобрения. Не обходится здесь и без упоминания жестокости инквизиции и осуждения “священной войны”. Для Бертона преступления, совершаемые на войне, не имеют оправдания. Убийство – есть убийство.

Ключевое предложение в этом отрывке, которые, стоит отметить, дублирует по структуре позицию Бертона по поводу религиозной жизни и заключается в словах: “Столько блюстителей правосудия, адвокатов, судилищ – и так мало справедливости, так много судей – и так мало заботы об общем благе; так много законов – и при этом еще невиданный доселе разгул бесчинства во всем”.⁹⁷

Важно отметить, что Бертон поднимает еще одну острую проблему своего времени – формирование и укрепление сословия буржуазии, что сопровождалось ослаблением роли и авторитета знати. Автор Анатомии с сарказмом отмечает несправедливость наказания “джентльменов” за преступления: “ведь для знатной особы, достопочтенного господина или достопочтимого гранда это, о, нет-нет, лишь не более чем мелкий грешок и уж никак не преступление”⁹⁸.

И, наконец, Роберт Бертон выражает наиболее актуальную проблему европейского общества начала XVII века – отношение к верховной властной структуре. Именно правитель, по мнению автора, виновен во всех войнах и несправедливостях, так как вместо того чтобы наставлять, бесчестный правитель предпочитает наказывать.

⁹⁶ А.М, С.135

⁹⁷ А.М, С.143

⁹⁸ А.М, С.144

“Несправедливых, тиранствующих должностных лиц”⁹⁹ Бертон называет “распространенной и губительной” опасностью для государства. В его представлении, государство – есть организм, а дурные управители – яд. “Так, где государи и сильные мира всего преступны, завистливы, они раздирают страну на части”, но “каковы государи, таков и народ”¹⁰⁰.

В итоге можно заключить, что Роберт Бертон высказывается против несправедливой власти и дурных управителей. По аналогии с самой меланхолией такая власть является болезнью, ядом, которые разъедает государство и его жителей изнутри, порождая тем самым бесчинства, мятежи, раздоры, разбой и так далее.

Это, в свою очередь, приводит автора Анатомии к рассуждению на тему своей собственной страны и нации.

Роберт Бертон высказывается в отношении своего государства в крайнем патриотическом тоне. Для него Англия – это “прекраснейшее и процветающее государство, крепость, не имеющая себе равных”¹⁰¹, в которой живут самые достойные и мудрые люди, однако даже в ней растут “плевы мерзости, чертополох”¹⁰².

Прежде чем начать перечисление этих злосчастных элементов, разлагающих английское общество, стоит отметить, что Роберт Бертон в этом отрывке делает попытку своего рода переписать “Государя” Макиавелли. Он дает развернутую характеристику своего видения правильного и сильного государства, перечисляя все необходимые для него элементы и методы управления.

Первое из “плев мерзости” – это “праздность, по причине которой страна наводнена полчищами бродяг и нищих, пьяниц”¹⁰³, а города “жалкие, маленькие, разрушающиеся”. Праздность Бертон называет “злым гением

⁹⁹ А.М, С.162

¹⁰⁰ А.М, С.172

¹⁰¹ А.М, С.177

¹⁰² А.М, С.177

¹⁰³ А.М, С.178

нашей нации”¹⁰⁴. Автор *Анатомии* задается вопросом: почему страна, обладающая таким количеством природных ресурсов и плодородной землей, не так богата, как должна быть? Ответ на этот вопрос кроется в трудолюбии. Именно его, по мнению Бертона, не хватает Англии, но вину он снова находит в нерадивом управлении: “рачительное ведение хозяйства, искусство управления – всё пришло в упадок”¹⁰⁵.

Вслед за этим, Бертон начинает, словно Макиавелли, давать советы по поводу правильного управления: “пусть тот государь, которому достанется богатая страна и цветущие города заведет полезные ремесла...” и так далее. Обобщая его советы, можно сказать, что основа правильного хозяйствования для автора *Анатомии* представляет собой сочетание протекционизма и поощрения внутреннего производства, посредством субсидий и иностранных учителей. Здесь Бертон так же поднимает еще одну важную проблему – алкоголизм в Англии XVII века. Как отмечает исследователь София Коллинс, в Сассексе проводилась практика продажи жен, а алкоголь составлял часть платы¹⁰⁶. Нужно отметить, что на протяжении многих веков, алкоголь оставался проблемой английской нации¹⁰⁷, что в своем тексте подтверждает и Бертон: “живем исключительно за счет таверн и пивных; солод – вот наш лучший плуг”¹⁰⁸. К этой теме я вернусь ниже.

Еще одно “бельмо на глазу”¹⁰⁹ по мнению Бертона, это недостаточная проходимость дорог и рек. То есть поднимается проблема запущенности средневековых дорог, обязанность содержать которые была возложена на земельных правителей, графства и общины, что ухудшало их состояние. Морская торговля и в особенности внутренние речные перевозки, как отмечает автор *Анатомии*, нуждается в интенсивном финансировании и субсидировании.

¹⁰⁴ А.М, С.178

¹⁰⁵ А.М, С.181

¹⁰⁶ Collins, Sophie. *A Sussex Miscellany*. Alfriston: Snake River Press, 2006. P. 20-29

¹⁰⁷ Stone, Lawrence *Road to divorce: England 1530–1987*. Oxford: Oxford. University Press, 1990. P. 209-288

¹⁰⁸ А.М, С.18

¹⁰⁹ А.М, С.186

Здесь прослеживается один из важных этапов эволюции психологического восприятия европейских наций своих собственных государств и системы правления, а именно формирование национальной идентичности. Данный вопрос особенно актуален в последние годы, что подтверждается постепенным увеличением числа работ по идентичности раннего нового времени. По данной тематике Федоров С.Е. в своей статье “Британская идентичность \ идентичности в раннее Новое время”¹¹⁰ отмечает, что процесс формирования британской идентичности охватывает период со второй половины XVI по конец XVIII века.¹¹¹ Первым этапом формирования национального самосознания является выделение в понятии “британского” территориального оттенка¹¹², что можно наблюдать и в частом акцентировании островного характера Британии Робертом Бертоном: “надежно защищены со всех сторон свирепым морем”¹¹³, “о нашем острове”¹¹⁴ и так далее. Таким образом, благодаря Роберту Бертону мы можем наблюдать в Анатомии Меланхолии проявление постепенно возрастающего национального самосознания в процессе не только духовного, но и физического изолирования себя от другого мира.

Искоренить же подобные очерняющие величие Британии проблемы может, как считает Бертон, “верховный досмотрщик”¹¹⁵, который бы “очистил от всякой скверны религию, политику, нравы с помощью искусств, наук и прочего”. Затем Бертон приписывает этому желаемому “ревизору” множество магических способностей, таких как невидимость, мгновенно перемещение, исцеление. Заключает свою идею автор тем, что такая задача

¹¹⁰ Федоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу Средних веков//Вестник СПбГУ. История. СПб, 2013. № 3. С.76

¹¹¹ Федоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу Средних веков//Вестник СПбГУ. История. СПб, 2013. № 3. С.77

¹¹² Федоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу Средних веков//Вестник СПбГУ. История. СПб, 2013. № 3. С.76-78

¹¹³ А.М, С.178

¹¹⁴ А.М, С.178

¹¹⁵ А.М, С.190

практически неосуществима и что по этой причине люди останутся такими же “варварами, буду эпикурействовать, тиранствовать”¹¹⁶.

В этом отрывке Анатолии Меланхолии стоит отметить явное противоречие во взгляде Бертона на правящие структуры, так как сначала он проводит прямую зависимость по принципу “каков правитель – таков и народ”, а затем рассматривает “праздность” народа вне этой зависимости. Опираясь на исследования Федорова С.Е., который выделял в средневековом сознании этический и правовой аспект функционирования властных отношений¹¹⁷, я могу заключить, что Роберт Бертон так же смотрит на своего правителя с двух сторон. С одной из них, он выделяет этический аспект: “нами правит мудрый, просвещенный, глубоко верующий король”¹¹⁸. И отдельно от первого взгляда, он пишет о правовом аспекте: “наши законы достаточно хороши...но это не всегда приносит благие результаты”. Именно этим объясняется сложившееся противоречие: с этической стороны Роберт Бертон восхваляет своего правителя, однако правовой аспект, по его мнению, не позволяет использовать весь потенциал Британских островов¹¹⁹.

На мой взгляд, здесь можно проследить связь идей Роберта Бертона в отношении “верховного досмотрщика” с идеей абсолютной монархии. Автор Анатолии явно заявляет о том, что не только британским островам, но и всему миру нужен тот, кто будет обладать высшей, практически божественной властью. Федоров С.Е. пишет, что в раннее новое время “постепенно оформляется представления о существовании оснований для возрождения своеобразного политического гегемона”¹²⁰, но для его существования необходимо было сильное государство. Таким образом, можно заключить, что Роберт Бертон высказывается за идею создания своего рода “прототипа” абсолютного гегемона, заявляя, что тот способен спасти

¹¹⁶ А.М., С.191

¹¹⁷ Федоров С.Е. Британская идентичность/идентичности в раннее Новое время// Вестник СПбГУ. История. СПб, 2013. № 1. С.78

¹¹⁸ А.М., С.174

¹¹⁹ А.М., С.170-192

¹²⁰ Федоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу Средних веков//Вестник СПбГУ. История. СПб, 2013. № 3. С.79

людей от глупости и невежества, что перекликается с идеей абсолютной монархии.

Данная идея находит отражение в попытке Роберт Бертона написать свою “Утопию”¹²¹, где автор Анатомии рассуждает о том, что лучшая форма правления для его идеального государства – монархия, а так же о том, что свобода слаще, если дарована монархом. То есть такая важная вещь как свобода человека, которая ставилась на первое место в системе ценностей гуманистов, по мнению Бертона, должна находиться под властью монарха. Таким образом, Роберт Бертон, обосновывая справедливость и необходимость абсолютной монархии, затрагивает острые для английского общества XVII века темы социально-политического устройства государства.

¹²¹ А.М, С.190-210

Глава III. Меланхолия личности

“Мир начала XVII века до странности гостеприимен по отношению к безумию. Оно всегда в самой гуще вещей и людей — знак иронии, путающей все метки, по которым можно отличить истину от химеры, и едва хранящей слабую память о былых великих трагических угрозах; оно — знак жизни скорее безалаберной, чем тревожной, знак ничтожного, смешного брожения в обществе, знак ненадежности, неустойчивости разума”.¹²²

Опираясь на слова Мишеля Фуко, можно с уверенностью сказать, что наиболее важной частью работы Роберта Бертон является рассуждение на тему душевного состояния самого человека. Начало XVII века, как переходный период, отразило так же смещение центра тяжести в анализе действий и поступков человека с внешних сил (положение), на внутренний мир. Данное смещение мы можем наблюдать так же в литературе, драматургии, искусстве. Достаточно проследить за становление современной драмы от Шекспира (классицизм), Гете (попытка совмещения) к Бернарду Шоу (новая драма как таковая).¹²³

Своё мнение о человеке Роберт Бертон выражается словами: “Человек – самое совершенное существо – низко пал, утратил своё былое положение и стал жалким человеком”¹²⁴. Данное определение вполне соответствует общему духу произведения, отражающего моральный упадок и болезненное состояние всего общества в целом.

Состояние человека характеризуется тем, что “у всякого досада и ревность, и смущение, и беспокойство, и страх смерти”.¹²⁵ Здесь Бертон выделяет, что каждый индивидуум, вне зависимости от его социального положения подвержен этому: “От сидящего на славном престоле и до поверженного на земле и во прахе, от носящего порфиру и венец и до

¹²² Фуко М. История безумия в классическую эпоху/ Пер. с фр. И. Стаф под ред. В. Гайдамака. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 61

¹²³ John Halliday. The Theory and Analysis of Drama. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P.15-87

¹²⁴ А.М., С.250

¹²⁵ А.М., С.250

одетого в рубище”. То есть мы еще раз убеждаемся в отходе от традиционного сословного подхода во взглядах на общество.

Важно выделить, что грешники, по мнению автора, подвержены этим чувствам “семь крат более сего”. Данное утверждение свидетельствует о возрождении эсхатологических настроений, так как Бертон употребляет такие выражения: “Обречен смерти”, “мысль об ожидаемом и день смерти”, “вплоть до неминуемого смертного часа”.¹²⁶ Можно говорить о том, что после реформации и контрреформации, то есть после религиозных потрясений, вопрос о спасении и загробной жизни вновь стал одним из самых актуальных.

Но и сам Роберт Бертон боится смерти. По его мнению, причиной всех болезней, а значит и меланхолии, является “справедливое” наказание Господа за грехи. Именно желание исправить свои грехи являлось одной из основных причин написания книги: “во время болезни разум задумывается о себе, здраво исследует себя и испытывает отвращение к своим прежним путям”¹²⁷. Таким образом, Бертон данным произведением пытается помочь не только себе, но и показать другим путь самоанализа и, следовательно, спасения.

Далее Бертон высказывает интересную мысль о том, что, несмотря на огромное количество смертельно опасных животных, растений, рыб, главной опасностью для человека является сам человек. Здесь прослеживается связь с античными произведениями, такими как “Ослы” Плавта и “Тристии” Овидия (*Homo homini lupus, homo homini daemon*¹²⁸). “Любой человек - величайший враг самому себе”¹²⁹. По мнению автора, именно наша собственная глупость и безумие доставляет “наибольшие мучения”¹³⁰.

Роберт Бертон хоть и относит меланхолию к справедливому божественному наказанию за грехи, всё же в дальнейшем раскрывает

¹²⁶ А.М., С.250

¹²⁷ А.М., С.251

¹²⁸ А.М., С.255

¹²⁹ А.М., С.257

¹³⁰ А.М., С.257

множество других причин, её вызывающих, где Бог является лишь одной из них. Так автор *Анатомии Меланхолии*, как и на протяжении всей своей книги, пытается совместить несколько несовместимых взглядов. Именно в данном противоречии, по-моему мнению, отражается безгранично сложная ситуация переходного периода от Средневековья к Новому времени: столкновение взглядов, идеологий, концепций и смешение их в едином бурлящем котле английского общества, в глазах которого всё больше теряет авторитет как традиционная церковь, так и высшее сословие, в том числе и королевская власть.

Подтверждением этому может являться творчество одного из самых крупных представителей литературы эпохи английского барокко – Джона Донна. Горбунов А.Н., исследователь его творчества, “важные черты первой половины XVII века – это ярко выраженная динамика, многообразие и сложность, сочетание противоборствующих тенденций”¹³¹.

Как уже отмечалось выше, меланхолия является болезнью всего человечества, и для того, чтобы раскрыть внутренний мир человека в представлении Роберта Бертона, необходимо проанализировать причины возникновения этой болезни.

Во-первых, стоит отметить мистические причины. Как отмечает Ингер А.Г. в предисловии к русскому переводу *Анатомии Меланхолии*, “распространение веры в мистическое...- следствие кризиса целой общественной системы, мировоззрения”¹³². Нельзя не согласиться с данными словами, так как именно после Реформации и Контрреформации можно отметить появление организаций и личностей, ставивших в центре своей деятельности мистику и мистические образы. Примером может послужить реформирование католического женского монашеского ордена кармелиток и

¹³¹ Горбунов А.Н. *Английская лирика первой половины 17 века*. М: Изд-во МГУ, 1989. С.4-5

¹³² А.М., С.32

появления так называемых “босых кармелитов”, породивших целое мистическое направление, начиная с Терезы Авильской.¹³³

Перечисление таких мистических причин меланхолии как Господь, ангелы, бесы, колдуны и маги определенно говорит в пользу вышесказанного. Сам Бертон пишет о том, что не все поддерживают идею влияния данных сил на жизнь человека, в том числе и его соотечественники. Однако, стоит отметить, те люди, кто обладают престижными профессиями и, что из этого следует, более образованы (юристы, врачи, богословы), разделяют мнение автора Меланхолии.¹³⁴

По мнению Бертона, даже самые заурядные из бесов, ведьм и колдунов способны вызвать меланхолию, и они же, в свою очередь, являются слугами дьявола.

Несмотря на то, что Господь карает меланхолией в качестве справедливого наказания, а дьяволы (у Роберта Бертона мы видим не одного конкретного антагониста, а несколько видов существ) и их слуги в своих корыстных целях, факт приравнивания двух противоположенных сторон в качестве причины меланхолии остается, несомненно, важным.¹³⁵

Одной из наиболее интересных причин меланхолии являются звезды. Здесь Бертон отмечает, что английские астрологи его времени считают небеса, планеты и звезды причинами, прародителями меланхолии.¹³⁶ Однако сам автор *Анатомии* пишет следующее: “если же ты спросишь, что я на сей счет думаю, то я должен ответить, что тоже знаком с этими научными заблуждениями; на самом же деле они нас только к чему-то склоняют, но отнюдь не принуждают, ...если мы будем руководствоваться разумом, тогда у них не будет никакой власти над нами”. Как отмечает Август Гоулэнд, многие авторы данного периода разделяли эту точку зрения.¹³⁷

¹³³ Jean Abiven. *15 Days of Prayer with Saint Teresa of Avila*. New City Press, 2011. P.15-22

¹³⁴ А.М., С.351

¹³⁵ А.М., С.355

¹³⁶ А.М., С.356

¹³⁷ Gowland A. *The worlds of Renaissance melancholy: Robert Burton in context*. Cambridge; New York: Cambridge UP, 2006. P. 66

Следующая причина – наследственность. По мнению Бертон, темперамент и внешние характеристики человека передаются по наследству. Данная тема относится к такой науке как генетика, которая в начале 17 века имела лишь отдаленные, смешанные с мистикой представления о генетическом коде и наследственности. Однако для моей работы этот вопрос интересен, прежде всего, с позиции личностного отношения к нему самого автора. Мастерски, в своём стиле, использую совмещение взглядов античности, в лице Гиппократ, и взглядов современников, представленных Роджер Бэконом, Роберт Бертон высказываются весьма интересные и значимые идеи.¹³⁸ Во-первых, им выделяется биологическая сторона вопроса: передача наследственных заболеваний, генетика. Во-вторых, идея психической наследственности, или, как её называют в наше время, психогенетика.

Несомненной особенностью XVII века является то, что научные знания еще не до конца утвердились в общественном сознании, что вызвало их смешение с мистическими представлениями. Поэтому в Анатомии Меланхолии мы можем наблюдать описание вполне конкретных генетических и психогенетических особенностей развития человека объясняемых в слегка противоречивой мистифицированной манере. Так зачатие во время менструального цикла связывается со словами известного церковного деятеля Беды Достопочтенного.¹³⁹ Тем не менее, дальше идет здравое рассуждение о правильном питании при зачатии ребенка и беременности.¹⁴⁰ И опять возвращение к мистике: “его матери случилось увидеть мертвеца, в то время, когда она была тяжела им, следствием этого явилось сходство с ним её ребенка¹⁴¹”. При этом временные рамки последних двух отрывков практически совпадают (вторая половина XVI века).

¹³⁸ А.М., С.364

¹³⁹ А.М., С.368

¹⁴⁰ А.М., С.368

¹⁴¹ А.М., С.370

Особенно важным в данном отрывке текста представляется идея о чистоте генетического кода (в современной интерпретации), о существовании и полном одобрении которой сам Бертон высказывается вполне открыто: “каким было бы для человеческого рода счастьем, если бы вступать в брак разрешалось только тем родителям, которые здоровы и телом и разумом”. Шотландские обычаи зарывать прокаженную женщину вместе с потомством заживо в землю с целью уберечь нацию от порчи и заражения, Роберту Бертону кажется весьма достойным существованию. Об этом он пишет: “суровый приговор, скажите вы, применять который не в обычае у христиан, а все же стоит присмотреть к нему более внимательно, нежели это принято”¹⁴². И дальше идет доказательство справедливости данного обычая.

Данная идея, высказанная клириком и интеллектуально развитым человеком своего времени, без сомнений, свидетельствует об упадке морали и исконно христианских ценностей в так называемый переходный период – в конце XVI – начале XVII века. На мой взгляд, это вызвано тем, что тема смерти перестала играть ту роль страшной судьбы, которую она играла на протяжении практически всех Средних веков. Это стало возможным после буйства Черной чумы, которая унесла жизни огромного количества людей и изменила сознание европейского общества. Как отмечает Мишель Фуко: “небытие в смерти отныне – ничто, потому что смерть уже всюду”¹⁴³, “безумие и глупости – это присутствие смерти здесь и теперь”¹⁴⁴.

Выделив таким образом “вторичные, внутренние” причины меланхолии, Бертон переходит к “внешним и приобретенным”.

Первая из этих причин – еда и питье. Не подвергается сомнению, что эта тема важна для переходного периода. Как отмечает Мелитта Вайс Адамсон, издавшая прекрасную работу “Food in Medieval Times”, на протяжении практически всего Средневековья не было официально

¹⁴² А.М., С.370-371

¹⁴³ Фуко М. История безумия в классическую эпоху/ Пер. с фр. И. Стаф под ред. В. Гайдамака. СПб.: Университетская книга, 1997. С.35

¹⁴⁴ Там же

признанной системы питания. Помимо известных еще с античности завтрака и ужина, жители Англии, в частности рабочие, перекусывали в течение дня, что носило название “nunchions” (обед). У нобилей во второй половине дня был так называемый “drynkyns” (освежающие напитки). Более того, даже после ужина многие знатные люди имели еще один прием пищи – “eresoper”. Он представлял собой посиделки в приватной, дружеской обстановке. Моралисты, а так же главы церквей и домохозяйств это осуждали, считая “eresoper” излишним. Всё это, естественно, сопровождалось большим количеством алкоголя.¹⁴⁵

Античные ученые, взгляды которых пользовались огромным влиянием на средневековую медицину, разработали известную нам систему четырех жидкостей: кровь, флегма, черная и желтая желчи. Гален добавил к ней четыре качества вкуса: сладкий, горький, соленый и острый. Хотя его работы касались лекарственных препаратов, именно теории Галена получили развитие в трудах арабских ученых, ярким представителем которых был Алли Аббас. Галеновская система “градусов” или “степеней” воздействия на организм лекарств была перенесена и на продукты питания¹⁴⁶. Роберт Бертон, стремясь охватить в своей книге всё, что касается меланхолии, и, являясь большим поклонником Галена, не мог не отдать должное этой теме.

В этом вопросе Бертон следует идеям своего античного кумира. Так рассуждение о пользе и вреде того или иного мяса (свинина, говядина) связывается исключительно с типом жидкости, которую оно возбуждает. Научной ценности данный отрывок не представляет, так как не имеет связи с реальным воздействием перечисленных продуктов питания на человека. Однако здесь можно найти интересное отношение к употреблению итальянцев и испанцев в обед исключительно растений и салатов. Бертон цитирует Плавата: “вот так-то сокращают люди краткий век!...скотина есть

¹⁴⁵ Melitta Weiss Adamson. Food In Medieval Times. London: Greenwood Press, 2004. P.85-102

¹⁴⁶ Melitta Weiss Adamson. Food In Medieval Times. London: Greenwood Press, 2004. P.180-196

не станет, человек же ест!”.¹⁴⁷ Однако Адамсон, о работе которой говорилось выше, отмечает, что у всех европейцев схожий, вегетарианский тип питания.

Что касается хлеба, о массовом употреблении которого сходятся практически все современные авторы, в том числе и Марта Карлин¹⁴⁸, то здесь Бертон выступает против приравнивания хлеба к "конской пище".¹⁴⁹

Рассуждая об алкогольных напитках, автор *Анатомии*, несомненно, выделяет пиво как “самый полезный и самый приятный напиток”. Здесь важно отметить, что Бертон отступает от своей обычной манеры нейтрального перечисления чужих взглядов и мнений. Он пишет про тех, кто называет пиво “гнусным пойлом”: “пусть говорят себе, что угодно”. Это не удивительно, если учитывать тот факт, что эль, по утверждению Марты Карлин и Мелитты Адамсон, был включен в ежедневный рацион, а управляющие хозяйствами закупали его каждый день на рынках.¹⁵⁰

Более серьезной причиной меланхолии, связанной с питанием, Бертон считает переедание, недоедание и неумеренность в еде: “Тень Лукулла всё еще бродит среди нас”¹⁵¹. Здесь автор *Анатомии* осуждает не только обжорство, но и чрезмерные траты на роскошь и дорогие блюда: “ведь нам ничто не в радость, кроме того, что дорого”¹⁵².

Бертон представляет своё время как развращенное тратами и пьянством: “то, что некогда считалось пороком, теперь в высшей степени нравственно... в наши времена это стало модой, делом чести”, “тот, кто не желает напиваться, никакой не джентльмен, а просто баба, шут гороховый, который не достоин находиться в приличном обществе”. Как отмечает Мартин Линн в своей книге “*Alcohol, Sex, and Gender in Late Medieval and Early Modern Europe*”, алкоголь использовался не только для празднования, но и для заключения сделок, соглашений, торговых договоров, при

¹⁴⁷ А.М., С.378

¹⁴⁸ Martha Carlin and Joel T.Rosenthal. *Food and Eating in Medieval Europe*. London, 1998.

¹⁴⁹ А.М., С.381

¹⁵⁰ Martha Carlin and Joel T.Rosenthal. *Food and Eating in Medieval Europe*. London, 1998. P.53

¹⁵¹ А.М., С.386

¹⁵² А.М., С.386

дворцовых, церковных событиях, в медицине.¹⁵³ Он так же слегка видоизменяет слова Карла Маркса, который сам любил неплохо выпить: “Религия не была опиумом для народа, алкоголь был”.¹⁵⁴ Можно утверждать, что выпивание было скорее социальной, чем антисоциальной активностью.

Вообще тема алкоголизма в переходный период представляется весьма обширной. Сам Бертон отмечает, что у “них (алкоголиков) есть академии пьянства”, “они издают законы против всяких попыток смошенничать во время питья”.¹⁵⁵ Прекрасные свидетельства этой проблемы собраны в уже упоминавшейся книге Мартина Линна. Так он приводит выписку из полицейских сводок 1581 года: “ремесленники и рабочие люди городов и предместий проводят огромную часть рабочего дня в тавернах, играя в азартные игры и выпивая”¹⁵⁶ Именно в начале конце XVI – начале XVII века разворачивается настоящая борьба за питейные заведения. Церковь называла их “домами дьявола”.¹⁵⁷ Исследователи отмечают, что основными посетителями были мужчины от 20 до 40 лет, половина из которых была нежената, кроме того, питейные заведения посещали и женщины, однако их легко могли счесть за женщин легкого поведения. Как правило, их причинами посещения пивных являлись помимо стандартного желания развлечься, так же поиск мужа или патрона.¹⁵⁸

Нужно отметить, что алкоголь воспринимали как лечашее средства не только для души, но и против импотенции. Многие врачи советовали мужчинам и женщинам выпивать перед зачатием ребенка. Кроме того, существовали советы пить и во время беременности, чтобы предотвратить выкидыши. В это время ученые еще не продвинулись в изучении влияния алкоголя на беременность, поэтому существовавшие запреты на алкоголь чаще всего относились к мужчине беременной женщины, а не к ней

¹⁵³ Lynn A. Martin. *Alcohol, Sex and Gender in Late Medieval and Early Modern Europe*. NY, 2001. P. 1-12

¹⁵⁴ Lynn A. Martin. *Alcohol, Sex and Gender in Late Medieval and Early Modern Europe*. NY, 2001. P. 3

¹⁵⁵ A.M., С.391

¹⁵⁶ Lynn A. Martin. *Alcohol, Sex and Gender in Late Medieval and Early Modern Europe*. NY, 2001. P. 63-64

¹⁵⁷ Lynn A. Martin. *Alcohol, Sex and Gender in Late Medieval and Early Modern Europe*. NY, 2001. P. 61-67

¹⁵⁸ Lynn A. Martin. *Alcohol, Sex and Gender in Late Medieval and Early Modern Europe*. NY, 2001. P. 66

самой.¹⁵⁹ Данное мнение выражает и Бертон: “если пьяный мужчина станет отцом, его ребенок, скорее всего, не будет умным”.¹⁶⁰

Особую опасность алкоголь представлял в связи с увеличивающимся количеством домашнего насилия, физической расправы и изнасилований, однако мы не обладаем большим количеством свидетельств последнего. Это вызвано тем, как утверждает Мартин Линн, что алкогольное опьянение считалось смягчающим обстоятельством при изнасилованиях. Подобные дела не фиксировались, если мужчина мог доказать “сексуальную неразборчивость женщины” или оправдать собственное поведение опьянением. Чаще всего алкоголь трактовался в таких случаях как средство совращения, что выводило выпившую женщину из позиции “изнасилованной” в позицию “женщины легкого поведения”.¹⁶¹

Если же оставить в стороне вопросы нравственности, то пивные стали конкурировать с церковью как центры общественной жизни. После утверждения пуританской идеологии, эль и танцы были запрещены в церкви. Это привело к тому, что центры коммунальной солидарности и коммуникаций в таверны и пивные, которые теперь служили в качестве мест для празднования религиозных ритуалов, таких как крестины, брак, похороны после завершения церковных служб. Кит Райтсон утверждал, что борьба вокруг пивных в ранней новой Англии стала одной из самых значимых социальных драм.¹⁶²

Заключительным аккордом о еде автор *Анатомии* выделяет привычки, аппетит и потребность. По его мнению, как уже было сказано выше про потребление эля в Англии, привычка может “изменить саму природу”.¹⁶³ Так

¹⁵⁹ Lynn A. Martin. *Alcohol, Sex and Gender in Late Medieval and Early Modern Europe*. NY: PALGRAVE, 2001. P. 61-67

¹⁶⁰ А.М., С.381-388

¹⁶¹ Lynn A. Martin. *Alcohol, Sex and Gender in Late Medieval and Early Modern Europe*. NY: PALGRAVE, 2001. P. 87

¹⁶² Lynn A. Martin. *Alcohol, Sex and Gender in Late Medieval and Early Modern Europe*. NY: PALGRAVE, 2001. P. 60-68

¹⁶³ А.М., С.392

еда, которой один человек питается всю жизнь и благодаря которой чувствует себя отлично, может быть смертельна для другого.¹⁶⁴

Интересно то, что современное утверждение о том, что в Китае любят потреблять в пищу собак, было распространено и в начале 17 века. Так Бертон, ссылаясь на Мат. Риччи, без тени сомнения пишет о том, что для китайцев мясо кошек и собак является “таким же восхитительным, как и любое другое”¹⁶⁵. Однако, у самого Мат. Риччи нет ни одного упоминания об этом.

Так же стоит уделить особое внимание вопросу каннибализма, также поднимаемому Робертом Бертоном. Он пишет о том, что Монтесума питался “сырым и жареным человеческим мясом”¹⁶⁶. Однако, опять же, никаких подтверждений этому у самого автора нет. Скорее всего, Бертон, который брал за пример для написания своей книги “Опыты” Монтеня, хотел тоже упомянуть о каннибализме, как и его предшественник. Сам Монтень в главе “О каннибализме” отмечает, что поедание тел своих противников, как это происходило среди племен Нового Света, происходило исключительно с целью запугать своих противников. Особо интересен отрывок песни, который упоминает автор “Опытов”: “Эти мышцы, - говорит он, - это мясо и жилы - ваши, жалкие вы глупцы! Вы не хотите признать, что в них еще сохраняется та же плоть, из которой состояли тела ваших предков? Так распробуйте же их хорошенько, и вы ощутите в них вкус своего собственного мяса”.¹⁶⁷ Но Монтень, как за ним и Бертон, не осуждает каннибализм, отмечая, что это часть их культуры, и неизвестно, “либо они дикари, либо – мы”¹⁶⁸. С ними согласен известный исследователь каннибализма Вильям Аренс, опубликовавший книгу “The Man-Eating Myth”.

¹⁶⁴ А.М., С.392-394

¹⁶⁵ А.М., С. 393

¹⁶⁶ А.М., С.393

¹⁶⁷ Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том I. М.: Голос, 1992. С. 158

¹⁶⁸ Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том I. М.: Голос, 1992. С. 176

Он называет предмет своих исследований социально приемлемым, а каннибалов сравнивает с бедными, “которые всегда среди нас”.¹⁶⁹

Марта Карлин выделяет случаи каннибализма, происходившие в Средние века при осадах и голоде¹⁷⁰. Адамсон так же в некотором смысле согласна со словами Монтеня, так как пишет: ”каннибализм для выживания, хотя по-прежнему вызывает определенную моральную ответственность, всегда был более приемлем обществом Запада, чем ритуальный каннибализм неизвестных племен из далеких земель”. В подтверждение этого, она приводит слова немецкого врача 16 века, который так же спокойно относится к случаям каннибализма во время осад, отмечая, что “они говорят, что свинина похожа на человеческую плоть”¹⁷¹.

Сам Бертон следует этой идее и заявляет, что каннибализм вполне приемлем, если человека привела к нему “необходимость, нужда, голод, бедность... Такие вещи и в самом деле смягчают меланхолию или даже полностью избавляют от последствий употребления меланхолической еды”¹⁷².

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что Бертон выделяет алкоголизм и расточительство как еще один порок современного ему общества. Кроме того через Англию, ставшую к этому времени колониальной империей, проходило огромное количество информации со всего света, что служило не только для развлечения населения интересными фактами, но и открывало возможности для анализа и сопоставления культур, в том числе и культуры питания, различных стран. Это, в свою очередь, хоть я и не могу сказать подобного про труд Роберта Бертона, позволяло ученым и исследователям глубже проникать в вопросы медицины, тесно связанные с качеством и видом потребляемых продуктов.

¹⁶⁹ William Arens. *The Man-eating Myth*. Oxford: Oxford University Press., 1979. P.160

¹⁷⁰ Martha Carlin and Joel T.Rosenthal. *Food and Eating in Medieval Europe*. London and Rio Grande: The Hambledon Press, 1998. P. 47

¹⁷¹ Melitta Weiss Adamson. *Food In Medieval Times*. London: Greenwood Press, 2004. P.173

¹⁷² А.М., С.396

Следующая причина – праздность. По сути, её можно ставить в один ряд с расточительством, алкоголизмом, перееданием, так как праздность, в представлении Бертона, тоже является “неизменным приложением к знатности”. Здесь автор меланхолии подразумевает так называемый *сплин*, о котором писал М.Ю. Лермонтов в своём нетленном произведении “Герой нашего времени”. Карин Юханнисон определяет *сплин* как “активную скуку”¹⁷³. Патриция Мейер Спекс, слова которой она процитировала, согласна с Бертоном, что “традиционно скука считалась привилегией элиты, способом выражения социального недовольства или пассивной агрессии”¹⁷⁴.

Не менее опасным, по мнению автора Анатолии, является “двоюродный брат скуки”¹⁷⁵ – чрезмерное одиночество. Он наблюдал его у студентов, монахов и анахоретов, которые вынуждены сталкиваться с ним в связи со своим родом деятельности. Особенно интересной мыслью Бертона является связь одиночества с алкоголизмом и распутством: “чтобы избежать одиночества, они проводят время в тавернах и пивных в обществе разгульных собутыльников и поэтому предаются незаконным забавам и распутству”¹⁷⁶.

Что же послужило причиной такого распространения чувства одиночества в начале XVII века? Как отмечает Макс Вебер, “ощущение неслыханного дотоле внутреннего одиночества отдельного индивида”¹⁷⁷ порождается трудовой пуританской этикой. Такой взгляд не удивителен. Джереми Смит выделяет общую протестантскую идею о том, что Бог оставил людей одних¹⁷⁸. Связь чувства одиночества с Богом выделяют и в XIX веке. Так Кьеркегор отмечает, что одиночество – это замкнутый мир, разорвать

¹⁷³ Карин Юханнисон. История меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь/Пер. со швед. И. Матьциной. М., 2011. С.62

¹⁷⁴ Карин Юханнисон. История меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь/Пер. со швед. И. Матьциной. М., 2011. С.62

¹⁷⁵ А.М., С.414

¹⁷⁶ А.М., С.415

¹⁷⁷ Макс Вебер. Избранные сочинения/Под ред. Н.Л.Шестернина. М:Прогресс, 1990. С.142

¹⁷⁸ Jeremy Schmidt. Melancholy and the care of the soul: religion, moral, philosophy and madness in England 1580-1750. Baltimore, 2004. P.62

границы которого способен лишь Бог, к которому человек всю жизнь стремиться прорваться.¹⁷⁹

Так же Роберт Бертон отмечает распространение мизантропии в его время, которая порождается одиночеством: “эти несчастные и в самом деле теряют человеческий облик и из существ общественных превращаются в животных...; они сами себе отвратительны, а общество других людей им ненавистно”. Сам автор *Анатомии* не употребляет этого термина, но прекрасным подтверждением моего взгляда служит созданная знаменитый комедиографом XVII века Жаном-Батистом Покленом, более известным под псевдонимом Мольер, в 1666 году пьеса “Мизантроп”¹⁸⁰.

Заканчивает вторую главу Бертон подразделом о сне и пробуждении. Благодаря этой информации, можно с уверенностью опровергнуть предположения и суждения некоторых исследователей, в том числе и Юханнисон, утверждающих, что “с исторической точки зрения нормой является отдельный сон”¹⁸¹. Так автор *Анатомии* пишет о том, что “нет ничего вреднее, если...прибегать к нему (ко сну) несвоевременно”. Так же такие слова, как “приобрели привычку спать посреди белого дня”, а так же “обыкновенно бродить ночью во время сна”, помогают нам понять, что уже в 17 веке нормой считался именно сон по ночам, а всё остальное не советовалось, так как вело к усилению меланхолии и кошмаров.

Исключительно занимательным является поднимаемый Робертом Бертоном вопрос “силы воображения”¹⁸². По его мнению “воображение приводит к реальным последствиям”. Данный подраздел отсылает нас одновременно и к суевериям, и к силе внушения/самовнушения.

Что касается внушения, то здесь автор *Анатомии* вновь задается вопросом, ответ на который ищут по сей день: каким образом и в какой

¹⁷⁹ *Философские крохи, или Крупицы мудрости* /Пер. Д.А. Лунгиной. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. С.65-196

¹⁸⁰ «Мизантроп, или Нелюдим». Комедия в пяти действиях. Сочинения г-на Мольера//Перевод с франц. И. П. Елагина. М, 1788

¹⁸¹ Карин Юханнисон. История меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь/Пер. со швед. И. Матыциной. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С.74

¹⁸² А.М., С.426

степени наша фантазия (“сила фантазии”¹⁸³) способна влиять на наше самочувствие и жизнь в целом? Как уже отмечалось выше, церковь активно использовала методы внушения и управления людьми.

Суеверия отчасти уже упоминались выше при разборе сведений Бертона о ведьмах, колдунах, всякого рода мистике, но, что мы можем наблюдать, мысль автора *Анатомии* растекается по всей книге, поэтому продолжение одной идеи можно найти совершенно в другой главе. Здесь Бертон отчасти раскрывает причины сил “колдуний и стариков, зачаровывающих и околдовывающих детей”¹⁸⁴. Именно воображение по мнению автора служит источников их сил: “мощное воображение одного человека воздействует на жизненные силы другого и изменяет их”¹⁸⁵. Эван Камерон определяет суеверия как “попытку различить неизвестное через предсказание, контролировать или защититься от него”¹⁸⁶.

Так же он склоняется к мнению, что обычные люди предпочтут быть прагматичными, а не следовать этике, будут искать помощи через своеобразные ритуалы, и не важно, попадает ли это под действие религии или же нет.¹⁸⁷ На мой взгляд, Эван прав, но все же, на основании исследования *Анатомии Меланхолии*, я считаю, что следует отметить вовлечение в данный процесс поиска ответов через суеверия не только “обычных людей”, но и всё общества в целом, включая высшее сословие. Роберт Бертон определенно не является одним из них (“обычных людей”), но всё же он не воспринимает демонов и ведьм как часть реального мира.

¹⁸³ А.М., С.429

¹⁸⁴ А.М., С. 431

¹⁸⁵ А.М., С.431

¹⁸⁶ Euan Cameron. *Enchanted Europe. Superstition, Reason, and Religion, 1250-1750*. Oxford, 2010. P.18

¹⁸⁷ Euan Cameron. *Enchanted Europe. Superstition, Reason, and Religion, 1250-1750*. Oxford, 2010. P.75-79

Заключение

На основании проведенного мной исследования был сделан ряд заключений. Но прежде стоит сказать о том, что “меланхолия” в современном понимании составляет лишь малую часть той Меланхолии, которую подразумевает автор Анатомии. Таким образом, Роберт Бертон вкладывает в это понятие целый комплекс назревших в современном ему обществе проблем: индивидуальных, общественных, государственных и даже общечеловеческих. Такой вывод можно сделать на основании того, что источники, которыми пользуется автор, хоть и относятся к различным историческим реалиям, в конечном итоге служат для демонстрации преемственности описываемых в них процессах английского общества первой половины XVII века.

Первый ряд выводов данного исследования касается общества в целом. Во-первых, можно говорить, что в это время происходит крушение старой, отжившей себя социальной организации. Церковь, как один из её основных институтов, после Реформации и Контрреформации, по утверждению большинства исследователей, теряет свои позиции и уступает место новой пуританской модели сознания и мироощущения. Роберт Бертон, несмотря на согласие с пуританскими идеями и их отражение в своем произведении, считает, что в крушении старого порядка виновата не только церковь, но и сами люди, которые посещают проповеди из страха, оставаясь при этом грешниками. Таким образом, идя дальше пуританской идеи очищения церкви, Роберт Бертон обосновывает необходимость очищения самого общества.

Во-вторых, автор Анатомии высказывает идею о необходимости установления абсолютной монархии, которая выражается не столько в устремлениях самого монарха, сколько в объективной потребности общества в сильном правителе.

Важно отметить, что во взглядах Бертона происходит разделение ответственности за происходящие события между властными структурами и обществом, что расходится с идеями Английской революции 1640 года.

Следующий комплекс выводов относится к психическому состоянию английского общества. На мой взгляд, работа Бертона ставит своей целью аккумулировать идеи прошлого и приспособить их к современным событиям. Так мы можем наблюдать абсолютно противоречивое сочетание новых научных достижений с суеверными взглядами и оккультизмом. Но именно это отражало сущность английского общества начала XVII века: поиск нового мировоззрения на основании соединения опыта прошлого с современными реалиями.

Роберт Бертон же так выделяет сопутствующие данным процессам проблемы: формирование мизантропии, атеизма, повсеместное распространение алкоголизма, проституция, этическое восприятие каннибализма и другие.

Таким образом, благодаря своей исключительной методике повествования “читатель-писатель” и анализу всего комплекса существующих в обществе проблем, Роберту Бертому удастся снискать себе большую популярность в интеллектуальной среде своего времени, что подтверждается неоднократными переизданиями этого произведения.

В заключении, хотелось бы отметить, что главная цель Роберта Бертона заключалась в попытке заставить человека задаться вопросом об обустройстве его собственного внутреннего мира, о причинах его поступков и способах противодействия распространяющейся в обществе Меланхолии. Это был, своего рода, революционный мотив. Именно поэтому большинство вопросов, которыми задается автор *Анатомии*, актуальны и по сей день. Таким образом, данная книга позволяет нам увидеть корни ряда обсуждаемых в современной психологии проблем, а так же понять, как они воспринимались тогда, когда психологии как таковой еще не существовало.

Используемые источники

Burton, Robert. *The Anatomy of Melancholy*, ed. Thomas C. Faulkner, Nicolas, K. Kiessling and Rhonda L. Blair, 6 vols. Oxford: Clarendon Press., 1989–2000

Используемая литература

1. Английская реформация (Документы и материалы) / Под ред. Ю. М. Сапрыкина. М., 1990.
2. Англия в эпоху абсолютизма / Под. ред. Ю. М. Сапрыкина. М., 1984.
3. Англия XVII века: Идеология, политика, культура / Под. ред. Г. Р. Левина и С. Е. Федорова. СПб., 1992.
4. Англия XVII века: Социальные группы и общество / Под. ред. С. Е. Федорова. СПб., 1994.
5. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002.
6. Бек А., Раиш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии. СПб, 2003.
7. Брагина Л.М., Карпов С.П. История средних веков том 1. М.: Высшая школа, 1990.
8. Веджвуд С.В. Тридцатилетняя война/ пер. с англ. И.В. Лобанова. М: АСТ, 2012.
9. Винпер Ю. Б. Литература Западной Европы XVII в. // История всемирной литературы. Том 4. М.: Наука, 1987.
10. Володарский В.М. Якоб Буркхардт. Жизнь и творчество. М. 1996.
11. Горбунов А.Н. Английская лирика первой половины 17 века. М: Изд-во МГУ, 1989.

12. *Ждан А.Н.* История психологии: от античности к современности: Учебник для студентов псих.фак.универ. М.: Педагогическое общество России, 1999.
13. История психологии XX век. /Под ред. *П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан.* М.: Академический проспект; Екатеринбург. Деловая книга, 2002.
14. *Кондратьев С.В.* Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень, 1996.
15. *Люблинская А.А.* Источниковедение истории Средних веков. Л, 1955.
16. Вебер. Избранные сочинения/Под ред. *Н.Л.Шестернина.* М., 1990.
17. *Марцинковская Т.Д.* История психологии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр Академия, 2001.
18. *Петровский А.В.* Вопросы истории и теории психологии. М., 1984.
19. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб, 2002.
20. *Тревельян Дж. М.* Социальная история Англии/ Пер. с англ. *А.А. Крушинской/* Под ред. *В.Ф. Семенова.* М., 1959.
21. *Федоров С.Е.* Имперская идея и монархии к исходу Средних веков//Вестник СПбГУ. История. СПб, 2013. № 3. С.77-90.
22. *Федоров С.Е.* Британская идентичность/идентичности в раннее Новое время// Вестник СПбГУ. История. СПб, 2013. № 1. С.75-82.
23. *Фёдоров, С. Е.* Пуританизм и общество в раннестюартовской Англии. СПб., 1993.
24. *Фёдоров, С. Е.* Раннестюартовская аристократия (1603-1629). СПб., 2005.
25. *Фёдоров, С. Е. Кондратьев, С. В. Питулько, Г. Н.* Англия XVII века: Социофессиональные группы и общество СПб., 1997.

26. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху/ Пер. с фр. И. Стаф/ под ред. В. Гайдамака. СПб.: Университетская книга, 1997.
27. *Штокмар, В.В.* История Англии в Средние века. СПб: Алетейя, 2005.
28. *Штокмар, В. В.* Борьба с пуританами как один из аспектов социальной политики Тюдоров во второй половине XVI века//Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974. № 1. С. 124-134.
29. *Штокмар, В. В.* К истории английского пуританского движения в конце XVI в.// Проблемы генезиса капитализма. Горький, 1974. №1. С. 27-36
30. *Штокмар, В. В.* Идеология английского абсолютизма в письмах Елизаветы Тюдор//Учёные записки ЛГУ. Серия исторических наук. № 17. Л., 1950. С. 223—248.
31. *Штокмар, В. В.* Особенности пуританского движения конца XVI - первой трети XVII в. и начало конфликта между пуританами и абсолютной монархией//Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980. № 3. С. 93-104.
32. *Юм Д.* Англия под властью дома Стюартов. Том 1. – СПб.: Алетейя, 2001.
33. *Ярошевский М.Г.* История и теория психологии. 2-тт. – Ростов-на-Дону, 1996.
34. *Abiven J.* 15 Days of Prayer with Saint Teresa of Avila. London: New City Press, 2011.
35. *Arens W.* The Man-eating Myth. Oxford: Oxford University Press., 1979.
36. *Babb L.* Sanity in bedlam: a study of Robert Burton's Anatomy of melancholy. East Lansing. Michigan State UP, 1959.
37. *Collins S.* A Sussex Miscellany. Alfriston: Snake River Press, 2006.

38. *Cameron E.* Enchanted Europe. Superstition, Reason, and Religion, 1250-1750. Oxford: Oxford University Press, 2010.
39. *Carlin M., T.Rosenthal J.* Food and Eating in Medieval Europe. London and Rio Grande: The Hambledon Press, 1998.
40. *Dell F., Jordan-Smith P.* The Anatomy of Melancholy. New York: Farrar & Rinehart, 1927.
41. *Gowland A.* The worlds of Renaissance melancholy: Robert Burton in context. Cambridge; New York: Cambridge UP, 2006.
42. *Jordan-Smith P.* Bibliographia Burtoniana. Stanford: Stanford UP; London: H. Milford: Oxford UP, 1931.
43. *O'Connell M.* Robert Burton. Boston: Twayne Publishers, 1986;
44. *Lynn A. M.* Alcohol, Sex and Gender in Late Medieval and Early Modern Europe. NY: Palgrave, 2001.
45. *Mary Ann L.* Melancholy, Medicine and Religion in Early Modern England. Reading The Anatomy of Melancholy. Cambridge: Cambridge university press, 2010
46. *Melitta W. Ad.* Food In Medieval Times. London: Greenwood Press, 2004.
47. *Schmidt J.* Melancholy and the care of the soul: religion, moral, philosophy and madness in England 1580-1750. Baltimore, 2004.
48. *Stone L.* Road to divorce: England 1530–1987. Oxford: Oxford. University Press, 1990.